

Игорь
СВИНАРЕНКО

ЗАПИСКИ РЕПОРТЕРА

НА ВОНЕ ТЕЛЕВИЗНОЙ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ВОЙНЫ — КУЛ, КОГДА-ТО ГОЛОС
ВОЗНИК ПРАВИТИЧЕСКИ УМНО ПРЕДУДУМАННОЙ — В ВОСТОКОВЕ СТАРЫЕ
ВРЕМЕНА. ТО ЕСТЬ Я ДОЛЖЕ ДУМАЛ, ЧТО ЖЕ ЭТО ВСЕ НАДОЖДАЕТ ИЗ
МОЕЙ ЧАСТИНОЙ ЖИЗНИ — И ТАКА ВОСХОДИЛА.

ЭТО БЫЛО В 90 НАЧЕТО ТО ГОД, ЕДИН МЫ С ШОФЕРОМ ИЗ ОДИНА
ДОМОВ. ОН ТАКОЕ СЧАСТЛИВЫЙ, ДОСТАВКИ НА НАШЕКО СПОРТИВНОЕ
РУКЪ И ТЕПЕРЬ С УДОБНЫМ ВРАТЪ МЫ — КОМАНД ИТУДИНА. В ДУЖЕ
В РУКАХ СТАРЫЙ ИТАЛИЙСКИЙ РУКЪ И ПУТАЮ ГОСДЕЙ ДО ДУЛОСИ СЕРАВА.
ДОЖДАЮСЬ, КОГДА ОНИ НА ЖЕКА ДОСМОТРИТ — И РЕЖЕ ВРАЩАЮ
ИТУДИНА ВОДКА, ОНИ ДЛАЮТ ПРАВА, КАК У СЛЕДКА, ДЕРЖАЮТСЯ И
ОПРЕДЛАЮТ ЧТО ТО ЗАДОРНО.

НАКРАПЛЕЮСЬ, Я НАЧЕКАЮ СЛАБИТЬ ЗАДАВО ШОФЕРУ.
— ИНАЧЕ, ЗАВТРА ЕДИН НА ДАВУ, ЗАК В ЗАСТРЕЛАН НА ПАРУ ДНЕЙ, А
ТЫ БУДЕШЬ ВОДИТЬ ВАШО.

— ВАШО ВАСКО?

— ЖУРНАЛИСТЪ АНДРЕЙ ВАКХИДЕРА, ИЗВЕСТНОГО СЛЕД.

— А ЧТО ЭТО Я ДОЛЖЕН ЕГО ВОДИТЬ? У НИГО СВОЙ ШОФЕР ЕСТЬ.

— КАКАЯ ТЕБЕ РАЗНИЦА, КТО У НИГО ЕСТЬ, ДОЖДАЮСЬ.

— НЕ БУДУ.

— КАК ДАВУ?

— ИТУДЪ КОМАНДЪ, ЭТО НА ДАВУ — И Я НА ДАВУ.

— ПОСЛУШАЙ, — СВОБОДНО ГОВОРИ Я, КАК ЧЕЛОВЕК, СЛАБИЩЕКО
СВОЕЙ ДЛАЖИТЕЛЬНОСТИ, — В РАБОЧЕ ДНЕ ТЫ ДОЛЖЕН ВСЕ ТАКИ
РАБОТАТЬ, А ЕС НА ДАВУ ЗАГОРАТЬ.

— АНД, ТЫ НА ДАВУ — И Я НА ДАВУ, — Я ДА ДАВНЕ ИЗ ТУСЮГО В
ПОДРОБНОСТИ.

— КУ ТАКОЖЕКАЗКА, ЧТО ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК РАБОТАЕТ У НИКЕ ШОФЕРОМ,
ТО ОН НЕ ДОЛЖЕ ТРАНСПОРТИРОВАТЬ ЗАДАЧИ НА ВРЕМЯКОМ ДНЕ АВТО, А НЕ
ДОЛЖЕ ОН РАБОТАЕТ НА РАБОЧЕКАЗКА.

Игорь Николаевич Свинарenco

Записки репортера

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=264082*

Записки репортера: АСТ; М.; 2010

ISBN 978-5-17-057194-9

Аннотация

Новая книга репортера Свинарenco, как всегда, о самом главном в жизни.

Профессия этого человека – предаваться размышлениям и пытаться понять, что же с нами происходит и в чем смысл происходящего. Иногда это ему удается. Какие-то его предсказания даже сбылись – например, о кризисе.

Пишет он не только много, но и старательно, дает качественный штучный продукт – а сейчас это не очень модно. Но тем не менее он не бросает своего занятия.

Почему?

Содержание

Часть 1. КОЛОНКИ	5
Пришло время для признания	5
Пистолеты забрать. А зубы вырвать?	8
Витязь в кавказской шкуре	13
Неликвидных сирот – на экспорт	17
Спорт, коммунизм, порнография	21
Казацкий вертолет	24
Ностальгия по самогонке	28
Как академик говорю...	33
Пугачев и чекисты	37
Привет мадам Флемминг от бывших советских журналистов	41
Царствие небесное Пиночету	48
Почем баррель дерьма собачьего?	53
В ожидании Свины	57
Запрет на профессию	61
О пользе Проханова	65
Привет моим бывшим Татьянам	69
Другая страна	74
Пенсии + проституция = счастье	77
Уважайте трупы устриц	80
Я знаю, где будет новая столица	84
Чисто моральное убийство	88

Ленин-Большой-Калужский, как вас теперь называть?	91
Не обзывайте художника гением	94
Исаич про революцию	98
Дембельский аккорд	103
Америка стреляет по своим	109
Бронированные «мерседесы» Ельцина	115
ЖЖ 1942 года: Модные солдатские мемуары	119
Блатняк	140
Загадочная закулиса	143
Суверенная африканская демократия	147
Юбилей журфака МГУ им. Ломоносова	151
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Игорь Свинаренко

Записки репортера

Часть 1. КОЛОНКИ

Пришло время для признания

7 марта 2000 г., 17:34

Наука достаточно полно раскрыла тему облагораживающего воздействия женщин на человека. Полно, но не окончательно. В преддверии праздника, начав его отмечать с некоторым упреждением, я внезапно для себя открыл новый фактор. Это случилось в тот момент, когда всем было налито, но пить без тоста никто не стал, и все недовольно посмотрели на меня: ну что ж ты людей задерживаешь! Тогда я, сосредоточившись, быстро-быстро помедитировал, понял новую истину – и огласил ее. Вот она: «Выпьем за дорогих женщин! (Ну это еще не истина, а просто так, разминка. – И.С.) Только они одни и делают нас порядочными людьми! (Темы продолжения рода мы тут не касаемся, а ведем речь о другом. – И.С.) С чего это вдруг – порядочными? А с того, что если б женщин не было, то все стали бы пидорасами».

Мысль, как вы сами видите, пронзительная. (Хотя, может,

и не стопроцентно политкорректная.)

Но представителям сексуальных меньшинств не надо обижаться, я ж не со зла! Это же шутка! Наподобие еврейских анекдотов, которыми нас балуют сами же евреи.

Перефразируя старую шутку того рода, что «у меня даже есть друзья евреи», скажу то же самое и про мужчин, относящихся к сексуальным меньшинствам.

Однако вернемся к облагораживающему воздействию женщин. Оно, безусловно, имеет место, – правда, часто с запозданием.

«Сколько ж можно пить!» – не раз мы слышали эти слова, сказанные женскими голосами. Долго-долго мы на них не реагировали, до тех пор пока не стала отваливаться печень. Но ведь стали же. Досадно признавать это! Но увы – а может, и не увы, а совсем наоборот, – в мире стала побеждать женская логика. А не мужская. Вот смотрите! Мужская, мальчишеская логика – драться, если не согласен. Ну не драться, так обзывать и размахивать кулаками. Это я вам описываю холодную войну и противостояние НАТО и Варшавского договора. Что хорошего мы с этого поимели? Весело ли мы проводили время? Да не очень...

Напротив, женская логика – избегать открытого конфликта и договариваться, ко взаимному удовольствию сторон. Жить мирно, красиво, легко... Ну вот, стали улыбаться, договариваться, мириться. Совсем настала другая жизнь! Давненько мы, действительно, не дрались всерьез... Настолько

давно, что уж даже на прогулку выходим без кастета, вот что удивительно! Мы даже в преддверии Международного женского дня пожелали замириться с врагом до стадии вступления в НАТО! Ну просто сенсация.

Что же мы раньше их не слушали, а?

Чего только мы с ними не делали! А вот слушать – не слушали. Уж такой мы народ!

В общем, с праздником, дорогие женщины. Что без вас нам никуда – ну не совсем никуда, но туда, куда без вас, туда бы точно не хотелось, – это я уже сказал. Долгих лет жизни тоже с нашей стороны было бы вам некорректно желать – поскольку вы и так, согласно статистике, живете дольше нас. Желать вам большой любви? Но это зависит скорее от нас, чем от вас. То есть пожелание такое: вы просто будьте. Ура!

Пистолеты забрать. А зубы вырвать?

16 мая 2000 г., 16:32

Вот в очередной раз американские матери провели демонстрацию против свободной продажи оружия в США. Правда, другие американские матери тут же провели контрдемонстрацию. За оружие. Победили те, которые за.

Как-то раз поехали мы с моим калифорнийским собутыльником Сашей Дашевским (которого теперь чаще называют Alex Dashevsky) на так называемое gun show, куда-то в глушь – от down town Лос-Анджелеса час пилить по 101-му фривею. Ну, шоу там не было никакого. По нашим понятиям, это как бы такая барахолка на стадионе. Очень похоже! Только вместо китайских пуховиков и турецких Rollex там торговали стволами. Диапазон серьезный – от старинных кремневых пистолетов и ржавых ковбойских кольтов до «узи» и М-16. Черт знает что вообще такое! Впечатление было сильное, аналогичное тому, которое получал советский турист в Югославии в 70-е годы, тайком от парторга сбежав на стриптиз: столько всего, разевай варежку и пялься сколько хочешь, и доступность невероятная!

– И что, – говорю, – вот так вот запросто можно купить 16-зарядный пистолетик «беретта» 38-го калибра?

– Нет, шалишь! Все-таки контроль за торговлей оружием у нас серьезный! Заплатить можно сразу, а отдадут тебе

недели через две. Чтоб не вышло так, что ты на кого-то обиделся, купил ствол и пошел обидчика мочить. Тем более на кой мне вторая «беретта», когда у меня одна уже есть? – степенно объяснил мне Саша, переходя из пистолетного ряда в ружейный, в котором он, не долго думая, прикупил себе советский карабин СКС; знаете, с таким стояли, не мигая, бойцы у Мавзолея, охраняя вечно живой труп. Примечательно, что у Саши даже документов не спросили.

– А как же контроль за оружием?

– А где ты тут видишь оружие? – спросил он, прищелкивая к карабину отдельно купленный магазин на 20 патронов. – Не знаешь ты американских законов! Все, что сделано до 1959 года, оружием не считается, это антиквариат!

Сильно, правда?

– А на кой тебе эти стволы? Ты зачем вооружаешься?

– Ну это ж мужская игрушка! И потом, я иногда на стрельбище езжу; все ж из своего пристрелянного ствола приятней шмалять, чем из постороннего...

Облизнувшись на карабин, как когда-то на «Архипелаг ГУЛАГ», я себе купил жалкий и ничтожный – против СКС – самурайский ножик и повез его тайком в Россию, домой.

А у нас-то другая жизнь. Теперь-то. А была когда-то – как у них, нормальная. Если помните, у Чехова студенты легко покупали в лавках револьверы, чтоб мечтать застрелиться от несчастной любви к какой-нибудь кокотке. И никакое МВД их не мучило своей бюрократией, даром что не то что губер-

наторов, царей в те годы отстреливали как хотели. Ну как можно взрослому человеку запрещать ношение пистолета? Он что, дитя несмышленное? Особенно если он в армии служил. Он же там не стрелял куда ни попадя из гаубицы и не кидался ядерными боеголовками – есть же мозги. Но большевики быстро сообразили, что к чему... Забрать у населения оружие! Приедь комиссары из продотряда к американскому свободному фермеру учить его жизни, он бы им, родным, живо мозги б повышибал из «винчестера», что твой Виннету. А у нас – пожалуйста: взяли безоружного кулака голыми руками. Ну и дураки. И которых взяли, и которые взяли.

А американцы – серьезный и взрослый народ, не такой наивный и простодушный, как мы. Мне американская позиция представляется такой: мол, мы люди свободные. Свободу нам добыли наши прадеды с оружием в руках. Не вы, бюрократы хреновы, нам дали свободу и оружие, не вам у нас это забирать. Да и попробуйте сунуться в мое частное владение без спросу – застрелю и буду по американским законам прав. Небось наши предки не дурней нас были, когда завели обыкновение держать на дому оружие. Или взять Израиль. Сунется ли кто с недобрыми намерениями в чужую квартиру, зная, что вооруженный взвод соседей немедленно прибежит защищать жертву – у каждого ж на дому автомат?

А дискуссии эти в Америке ох как давно идут. Разрешить или запретить? Помню одну давнишнюю дискуссию с гром-

ким поводом — когда ранили президента Рейгана. Помню, европейцы тогда козлили американцев, обзывали их тупыми ковбоями, у них-де там кто первый ствол выхватил, тот и умней... Что это нецивилизованно и несовременно, негуманно и неполиткорректно. И всех стрелков бешеных припомнили, которые после Вьетнама то и дело лезли на крыши и били прохожих из винтовок... В общем, много грязи было вылита на головы людей, не желающих поступаться своей свободой. Подводить итог той дискуссии репортеры пошли в госпиталь, в палату, где лежал подстреленный Рейган, который еще и непонятно было, выживет ли.

— Ну, отец родной, скажи нам перед смертью правду: ведь запретить?

— Ни в коем случае! — прохрипел Рейган (тот самый, кто пообещал сокрушить одну империю зла, не важно какую — ее уж давно нету, дело прошлое).

Ну что тут сказать? Одни люди готовы отдать жизнь ради свободы. А другие просят: обращайтесь, пожалуйста, с нами как с идиотами. Не давайте нам пистолетов, а также спичек, острых предметов и денег, потому что мы дурные и за свои поступки отвечать не можем.

Люди, да, несовершенны — но едва ли они станут лучше, если всех одеть в смирительные рубашки. По мне, так пусть лучше человечество вымрет, но зато по гамбургскому счету, нежели будет коротать дни в дурдоме. Там не то что писто-

летов людям не доверяют, но еще и стены обивают мягким и следят, чтоб кто не покусал соседа. Но зубы при этом все ж не вырывают, заметьте.

Витязь в кавказской шкуре

6 июня 2000 г., 16:32

Видите, как трудно нам теперь достается шенгенская виза. Все жалуются: в европейских посольствах хамят, как в советском магазине, а с детьми на отдых в Париж вообще не пускают.

Как же так, ведь это ущемление наших гражданских прав, а? Мы ж хорошие, а хороших обижать нельзя. Можно только плохих, и чужих, и подозрительных – верно? А не таких, как мы... Вот, к примеру, идет кавказец, а к нему двое в сером, с погонами, и тычут ему автоматы в живот. Примечательно, что граждане прохожие и не думают возмущаться. Может, им нравится, что прищучивают лицо именно кавказской национальности. Или им просто некогда отвлекаться, они торопятся в посольство хлопотать насчет шенгенской визы. Или вовсе они уже идут из какого-нибудь европейского посольства несолоно хлебавши и у них плохое настроение. А тут вдруг маленькая радость: поймали кавказца! А чего он сюда едет? Кто его пустил сюда? Кто звал? Что, у него документы в порядке? И ни в чем дурном не замечен? И он в Москву по приглашению приличных людей, солидной фирмы? Все эти ваши настоящие документы вы можете выкинуть в мусорное ведро – так милиционеры могли б ответить кавказцу. Словами, которые служащий итальянского

посольства на днях сказал одной знакомой девушке.

«Но при чем тут кавказцы? Как же можно диких абреков сравнивать с русскими – цивилизованными европейцами?» Такой вопрос я нередко слышу, когда обращаюсь к этому сравнению. Тогда я вспоминаю свои поездки в отдельные шенгенские страны. Иду, бывало, по какой-нибудь их стране и замечаю, что глаза у меня не очень-то хорошие – по сравнению с местными. И побрит я не слишком идеально. И граппы я принял официантам на удивление. На их языках я говорю с тяжелым украинским акцентом, который едва ли ласкает шенгенский слух. Более того! Я запросто могу себе позволить такие вещи, как влезть куда-нибудь без очереди, воздержаться от лучезарной улыбки или вовсе помочиться где-нибудь в парке под деревом, раскинувшимся на ухоженном вековом газоне (от цивилизованной нашей привычки пренебрегать строительством сортиров), и даже могу пристать к блондинке прямо на улице. А когда меня останавливает шенгенский гаишник, то не обнаруживает в моих глазах многовекового уважения к законности; напротив, он в них читает простые слова: «Как же ты, мент иностранный, мне надоел! Возьми денег и отвали, понял?» Я вполне допускаю, что это все может им, шенгенцам, не нравиться.

Но, с другой стороны, я им благодарен за то, что, считая нас нежелательными элементами и нежеланными гостями, они все ж не тычут мне автомат в область печени, как это делают российские милиционеры с подозрительными, с нашей

точки зрения, элементами. Я про эти автоматы который раз вспоминаю почему? Да как началась первая чеченская, так замучили меня проверками. Поскольку я с виду натуральный кавказец – если коротко подстригусь и забуду побриться. Так вот, когда эти испытанные на своей шкуре чувства перестали меня забавлять, я отрастил длинные волосы и взял за правило бриться ну хоть пару раз в неделю. Менты с кавказцами, надо сказать, от меня сразу отстали.

Вы спросите: а нет ли у меня настолько же эффективно-го рецепта, как прикинуться не только некавказцем, но и не российским гражданином, – чтоб избежать постыдной дискриминации в посольствах? Но нет у меня для вас такого рецепта. При том что выход из положения, кажется, имеется. В прежние времена, при старом режиме, когда про Шенген нормальные люди еще и не слышали и никто из нас не заводил моды летать в Париж чисто пообедать, походя, перед советом директоров, я тем не менее позволял себе солидные и запоминающиеся путешествия: Питер, Киев, Сахалин, Саяны, Соловки и прочая и прочая.

Между прочим, странно выглядел бы американец, без конца мотающийся в Европу, – если он не был в Филадельфии, на Великих озерах, в Великом же каньоне, на Ниагарском водопаде. Почему? Странно! Ведь мы в массе своей совершенно равнодушны к Камчатке, Кижам, Валааму, да даже и к самому Байкалу, – а скажи я вам про мощь и красоты Урала, так вы просто рассмеетесь мне в лицо.

Но Париж-Мадриж разный нашему брату только давай... Этот маленький «железный занавес», – этакая железная занавеска – может пойти нам даже на пользу. Как пошел же дефолт. Ну, тут разница разве та, что красоты русской природы легко могут быть импортзамещающими – поскольку к их созданию, слава Богу, отечественный производитель не был допущен. И мы тут, вы будете смеяться, держимся на уровне мировых стандартов. Хотя иногда отечественный производитель очень бывает внимателен к родной природе; он уж лет 30 льет какую-то ядовитую дрянь в Байкал. Спешите увидеть славное море, пока оно совсем не превратилось в крупнейшую помойку Евразии! А Елисейские Поля никуда от вас не уйдут, никуда не денутся, – успеете еще там нагуляться...

Неликвидных сирот – на экспорт

20 июня 2000 г., 16:39

Детские дома отказываются брать преступных сирот, которых выпускают по амнистии из колоний в огромных количествах.

Легко понять волнения детдомовских воспитателей, которым шлют несовершеннолетних паханов. Ведь и без того теперешний подросток знаком с проблемами курения, алкоголя, наркоты, секса не понаслышке. А тут ему прямо на дому – на детдому – устроят курсы повышения квалификации. При том что ни про повышение зарплаты тем отчаянным людям, которые тратят свою недолгую, но нищую жизнь на чужих детей, ни про выдачу казенных бронежилетов речи, кажется, не идет.

Еще легче умерить удивление мягкосердечного читателя, который надумает сдуру восклицать: «Да, но что ж делать с этими несчастными детьми? Они ж не виноваты в том, что их так покорежила губительная среда? Надо ж проявить о них заботу!»

Какую, так, растак и разэтак (здесь имеется в виду нецензурная брань. – *И.С.*), заботу? Где ж это видано, чтоб граждане России проявляли друг о друге заботу? (Именно граждан друг к другу – что касается отношения власти к плебсу, так мы это даже и близко тут не собираемся обсуждать

за отсутствием темы для разговора.) Вы нашу страну путаете с какой-то другой, чужой. Пенсионеры вон шастают по помойкам и в аптеках облизываются на таблетки, так давно уже *mauvais ton* про это восклицать в прессе. Бойцов необстрелянных гонят на войну. И чеченцы, строго говоря, тоже граждане России. А уж тем более таковыми являлись 15 тысч невоенных русских, убитых шальными снарядами при штурмах Грозного. Между тем все вроде довольны, почти никто не орет про надобность заботы...

Да, трудно отношение наших граждан друг к другу выразить статистически, в цифрах. За исключением отдельных случаев. Была обнародована взятая из опросов одна интересная цифра: 48 процентов нашего населения не любит евреев. Каковых среди граждан РФ миллиона два. Не любят – и ничего тут, видно, не сделаешь. А проведи опрос насчет отношения к подросткам-хулиганам, несовершеннолетним вора́м, сиротам-убийцам – там процент нелюбви будет покруче, чем в случае с бытовым и иногда даже невинным антисемитизмом. Можно и более тонко, более доходчиво сформулировать вопрос: «Хотите ли вы, чтоб ваших детей, если вы завтра внезапно помрете, отдали в детдом, где каждый третий – амнистированный зэк с туберкулезом?» Небось не хотите! И нечего вам тут прикидываться дурачком и делать вид, будто вы не знаете, по каким неписаным законам и правилам живет ваша родная страна! И демократы так называемые тут не виноваты. Сколько мы себя помним, она всегда

такая была...

Насильно – да, мил бандитский сирота не будет. Но пристроить его, отдать в хорошие руки легко! Может, сиротское счастье в том и состоит, чтоб детдом в Тюмени отказался от несчастных амнистированных детей. Сирот ведь в таком случае можно отдать бездетным американцам, которые годами ждут возможности усыновить белого ребенка! И все эти годы клянут русских бюрократов, которые за оформление документов на вывоз требуют безумных, в 5 тысяч долларов за голову, взятки, – чтоб как-то компенсировать обеднение нашего российского генофонда. Американцы и безногих берут (делают им протезы и учат играть в баскетбол), и слабоумных, а уж хулиганов и малолетних проституток так просто с руками оторвут.

Да, но так мы только с белыми сиротами решим вопрос! А что ж делать с нашими российскими мулатами и метисами? Ничего. Про них смолчат даже самые сердобольные. Да и денег на их обустройство останется куча после отъезда их белых товарищей на ПМЖ в США. И настанет счастье.

Это все я пишу, не хуже вашего понимая, что сирот не выпускают, их понадкусывают и выкинут. Сделают так, чтоб всем было плохо: и нам, и сиротам, и бездетным иностранцам, – такая уж мы публика. Но у меня есть чем утешить слабонервных. Правозащитник Виталий Абрамкин, который эков знает получше, чем иные нервные публицисты, утвер-

ждает: там, на зоне, такие же люди, как на воле. Поменять их местами, так ничего не изменится ни в тюрьмах, ни на московских улицах... Вот выйдут сейчас амнистированные рецидивисты на волю и расскажут вам, как у них волосы вставали дыбом от историй про то, как мальчики из хороших семей насмерть замучивали новобранцев в элитных войсковых частях.

Спорт, коммунизм, порнография

19 июля 2000 г., 16:14

А ведь мог быть совершенно другой праздник, посвященный построению развитого коммунизма! Вы ведь помните запоздалое исправление, всенародно внесенное в Программу КПСС: «Вместо ранее объявленного на 1980-й год коммунизма в Москве будет проведена Олимпиада». Нам повезло, что все обошлось скромным – несмотря на всю помпу – и безобидным спортивным праздником.

Хотя, конечно, если присмотреться, у государственного коммунизма и большого спорта есть много общего. (Мы не берем в расчет малый самостоятельный коммунизм, когда группа чудаков на сугубо добровольной основе все, что у нее есть, обобществляет и уходит от мира, чтоб жить коммуной, не загоняя в нее более никого «маузером» или угрозой переселения на Колыму. Точно так же мы не станем рассматривать персональные спортивные занятия, когда человек бежит вокруг дома, пугая собак, или крестится гирей.)

Со всенародной точки зрения два этих больших понятия вот чем объединены: отношением «А пусть этим занимается кто-то другой, не я!». Кто-то пусть едет на БАМ и надрывается там в тайге рядом с зэками и замученными солдатами или, напротив, проводит по две тренировки в день и в угоду режиму пренебрегает личной жизнью, а мы уж лучше

выпьем пива и посмотрим по телевизору на ваши практические подвиги.

Забавно было наблюдать с дивана за разными чудесами: вот какой-то псих уходит в отстающую бригаду и сильно теряет в деньгах. Вот разные старые маразматики смешат народ вставными челюстями, при помощи которых «социалистические страны» замечательно трансформируются в «со-сиски сраные». Или завозят в киоски журнал «Корея», смешней которого ну что тогда было? А какой был роскошный концерт на День милиции! А еще, бывало, некто и вовсе отказывается от премии (надо же!) и прыгает в длину на 8 метров 90 сантиметров – мне-то, серьезному человеку, зачем так скакать? Нам такие экстримы ни к чему... Да и потом, чтоб так скакнуть, надо не евши, не пивши и не кутивши изнурять себя допингами и тягать туда-сюда штангу... Такое мы тоже рассматривали с нашим с вами удовольствием. Но самим – просто не дай Бог.

Но тут надо признать такую удивительную вещь. Несмотря на то что никто из нас – редкие исключения не в счет – не строил коммунизм и не был чемпионом мира, все ж таки прямые олимпийские трансляции вызывали интерес более живой, чем вести с полей или великих строек. Меня это всегда восхищало, при том что более тоскливого зрелища, чем показ спорта, я не видел. Сидит человек на диване, весь такой толстый, ленивый, вялый, ему даже за пивом влом сбегать, и смотрит, как могучие атлеты мотаются туда-сюда,

все в мыле, совершают подвиги и совершенно надрываются. Знали бы вы, с какой страстью этот диванный бездельник – кстати, это я, может, как раз про вас – обличает мелкие ошибки гениальных игроков, как он их «козлами» обзывает, какую он за себя испытывает гордость, когда они побеждают! С какой наивной детской легкостью он себе приписывает чужие заслуги, продолжая считать именно чужими чужие промахи!

Ничто так не портит народ, ничто так не развращает, так неотвратимо не приводит к мысли, что можно брать чужое, ничего не давая взамен, так не приучает к лени, безделью, когда пусть другой работает, а не я, к потаканию своим капризам, к привычке без усилия, легко получать удовольствие и ненавидеть тех, кто помешал его получить, – да хоть удачливых игроков той команды, за которую не вы, а кто-то чужой болеет... Это я вам про большой спорт, но с тем же успехом – и про коммунизм! Все тот же разврат, те же вредные привычки, безответственность и безделье, когда человек с выпученными глазами выслушивает простые слова: «Не нравится тебе то, что делают другие? Не надо их принуждать ни к чему, ты пойдя да сам сделай, как тебе надо, если у тебя получится, если ты на что-то способен; а нет – так сиди по-малкивай...»

Кроме большого спорта и коммунизма, в этот список жизненных явлений, развращающе действующих на простую публику, со всей закономерностью попадает и порнография.

И там то же самое! С того же самого обездвиживающего дивана лентяй наблюдает, как кто-то посторонний незнамо что и кто знает по которому разу вытворяет с замечательными красавицами. Вместо того чтобы пойти и самому убедить и победить какую-то из них, и так же неустанно работать над ней, сопеть и выкладываться, и после откинуться обратно на свой диван и знать, что это именно ты, а не кто-то другой откинулся...

Это все, безусловно, роднит три стихии, развращающие народ: коммунизм, порнографию и большой спорт. Что тут может радовать? Что люди все чаще стыдятся не только порнухи, но уже и коммунизма? А спорт – что? Ну пусть спорт, ладно, остается – как меньшее из трех зол.

Казацкий вертолет

9 ноября 2006 г., 17:40

С казаками получилась та же нелепость, что и с вертолетом.

Это я осознал, глядя первую (не уверен, что будет продолжение, – это я не о сетке Первого канала, а о своем расписании на ближайшие вечера – динамики не хватает кину, прошло время доклипового мышления) серию нового «Тихого Дона».

Вертолет изобрели вроде наши, наш хлопец, Сикорский, но только не у нас и с американским паспортом на руках.

Может, еще кто претендует на эту честь, но, насколько мне известно, казаки официально считаются нашим изобретением. Но поскольку патента не было, времена дикие, то идею пиратировали и она контрафактно расходилась по миру. Достаточно сказать хоть про освоение Америки самостоятельными людьми, вооруженными землевладельцами наподобие ватаги Ермака, которые в зависимости от ситуации то пололи кукурузу, то мочили туземных полевых командиров в сортирах – причем держа в руках личное оружие, купленное на трудовые копейки, то есть центы.

Никогда нам, конечно, не понять тупых американцев, которые почему-то не сделали то, что само собой напрашивалось – провести расковбоивание с горячим участием командчей (аналог нашего расказачивания с привлечением чеченов), которые резали бы свободных вооруженных индивидов по полной программе. И по сей день американские аналоги наших казаков без проблем владеют своей землей и своим оружием. Так называемые демократы там лезут с попытками ну хоть как-то разоружить эту вольницу, но население на них плюет и отвечает: «Не вы, чернильные души, дали нам оружие, не вам и отнимать. И заведено это нашими прадедами, которые были не дурней нас с вами и *manu militari* построили великую страну. Отстаньте от нас – и вон с частной собственности, не то пристрелим на законном основании».

Вы поняли: я сторонник отмены законодательных актов о расказачивании. И воссоздать казаков как сословие! Что, в

наше время это невозможно? Бросьте. В Израиле это сделано! Люди мирно пашут, автомат висит у них в шкафу, и они с ним ездят поочередно на войну или – в перемирия – на сборы, где встречаются с давно знакомыми боевыми товарищами. Которых как-то неловко не то что бросить на поле боя, за них не жалко и пол-Ливана снести – а до отрезания ног с гениталиями дело не доходит (бедный Сычев...)! Еврейские резервисты – чистейшей воды казаки, в отличие от некоторых, как это ни обидно.

Короче, реабилитировать казачество и восстановить в правах. И весь сказ. Дать людям землю, права и оружие. Конечно, правильней было б это сделать в первую чеченскую, ну да лучше поздно, чем никогда. А что? Чеченов реабилитовали и вернули из казахстанской ссылки. Казаки чем хуже? Ну тем хотя бы, что их не столько ссылали, сколько убивали... М-да...

Слышу слова о том, что вот дай только русским в руки оружие, так они, опившись левой водкой, такое учинят, вот стрельба-то пойдет. Согласен, у нас полно людей, которые считают русских дебилами. Но это некрасиво – серьезно относиться к таким взглядам. Допускаю, вас не убедили ни американские, ни израильские параллели. Но мне смешно, когда людям у нас не позволяют купить пистолет. Часто – тем самым, которые только что пришли из армии, где у них, кроме «макарова», были пушки, пулеметы, баллистические ракеты – и при этом и Калифорния, и Аляска на месте! И

Новый Орлеан не наших рук дело, у нас есть алиби!

Кадр из фильма, который пролежал на итальянской полке 13, что ли, лет: Гришка с соперником, Аксиньиным мужем, темные, малообразованные мужики, выясняют отношения. Вопрос даже не жизни и смерти, бери выше: о передаче хромосом в следующее поколение, – чья баба, тот и передаст! Винтовки, сабли кругом, кинжалы, на худой конец; мочи не хочу! Нет – расквасили друг другу хари голыми руками и, довольные, в кровавых соплях, разошлись по домам. Заметьте, про политкорректность они и слышать не слышали!

А мы, типа, дурнее, что ли? Кто осмелится всю русскую публику чохом поставить на учет в психушку? Пусть встанет и скажет об этом открыто. И мы посмотрим на этого умного парня.

Сам я, будучи украинцем, на русский вопрос смотрю спокойно. Наблюдаю за ростом моды на, скажем, там, фашизм. Иногда мне кажется, что миллионы наших сограждан считают его русской мечтой. Это я заметил, проведя огромное количество бесед с активными читателями экстремистских радикально-патриотических изданий. Некоторые вопят на митингах «Фашизм не пройдет!», но это звучит не как констатация уверенности, но как заклинание. Так шаманы пытаются накликать погоду получше. А что мы можем по существу сказать лысым парням со свастиками? После того как казаков перерезали и никто за это не извинился? И ни копейки даже символически не выплатил выжившим и их потомкам?

Только не говорите мне, что это в принципе невозможно: сколько евреев лично я проводил в Германию на ПМЖ, где бывшие советские люди живут на содержании у внуков фашистов... И прекрасно себя чувствуют – не слушая идиотских возражений.

Что касается немцев, то Поволжскую республику у нас, разгромив, позабыли восстановить – как казаков. Немцы нашли выход: стали уезжать в ту же самую Германию, где решили вопрос с национальным самосознанием и справедливостью.

А русским ехать некуда.

Ностальгия по самогонке

16 ноября 2006 г., 17:49

На неделе лично для меня было самым важным вот что: тема качественного алкоголя, которая плавно переросла в тему ответственности журналиста перед читающей публикой.

Знакомая журналистка – серьезная и заслуженная, я как, бывало, увижу ее текст в бумажной прессе или лицо в телевизоре, так все бросаю и слежу со вниманием, у нее все хлестко и свежо – попросила меня об аудиенции. Ей надо со мной как с более опытным товарищем посоветоваться. Я надул щеки: такие люди снимают передо мной шапку как перед классиком! И стал готовиться к беседе – надо ж что-то умное сказать. О роли прессы в нашей жизни, о настроениях

в журналистском сообществе, о всяких дебатах насчет свободы совести – о том, что меня, откровенно говоря, мало заботит. Зависеть от царя, зависеть от народа – не все ли мне равно? Этот вопрос Пушкина, заданный еще в позапрошлом веке, ставит меня в тупик...

И вот настал момент встречи. Все оказалось более прозаично: девушка стала меня пытаться действительно как более опытного человека – но не в русской – точнее, русскоязычной – журналистике, а в такой теплой и любимой народом сфере, как самогоноварение. Я вздохнул с облегчением: это же намного веселей, чем русская политика. В моей памяти стали всплывать милые картинки: вот перегонный куб, сделанный из заводской скороварки; вот змеевичок, изготовленный на военном авиазаводе, необычайно секретном; вот голубые газпромовские огоньки, разогревающие созревшую бражку; чудесный запах сивухи, который начинает витать на кухне; чистейший как слеза первач, который капает, капает в подставленный стаканчик и, для проверки подожженный, горит бесцветным тихим огнем, и это зрелище завораживает! Ностальгия... Уж много лет назад демонтировал я свой аппарат и растерял в переездах детали. Когда-то я с самогоноварения перекинулся в другую сферу деятельности, тоже, как мне казалось, нужную людям: независимую прессу. Самогон-то я гнал при застое, как вы понимаете.

И вот девушка начинает меня расспрашивать, конспектируя мои ответы, насчет выхода первача, способах избавле-

ния от сивушных масел (активированный уголь, марганцовка и проч.), о спиртометрах и ягодах, наиболее пригодных для настаивания готового продукта.

И между делом я спохватываюсь и спрашиваю ее:

– А тебе-то зачем все это? Заметку, что ли, пишешь какую?

– Какие заметки! Я сама теперь буду гнать.

– Что так?

– Да как же не гнать? Я столько плохой водки выпила за свою жизнь! Ладно, сама пьешь; а ведь гости приходят, вдруг с ними что?! Особенно по теперешним временам, со всеми этими скандалами... И потом, я страшно люблю готовить. Сварить обед – разве ж такое можно доверить прислуге? И вот меня пронзила мысль: гостям же я не беру готовую еду в кулинарии, сама готовлю. А что ж с водкой? Я поняла, что не права. Надо знать, из чего сделана водка, иметь гарантию, что исходные продукты – качественные. Это же странно: закуску я готовлю собственноручно, а выпивку беру незнамо какую.

– Послушай, – говорю, – ты не знаешь о том, сколько это отнимает времени! Эти долгие бессонные ночи у аппарата! Страшная ответственность! Когда ж ты собираешься заметки писать?

– А я и не собираюсь. Хватит! Политическая журналистика кончилась. Мне теперь все равно нечем заниматься. Время есть. Потрачу его на служение людям! Я буду сеять ра-

зумное, доброе, вечное.

Мы сидели и пили при этом казенную водку. Она – с какой-то особой сосредоточенностью. Наверно, пыталась запомнить вкус заводской водки, прежде чем расстаться с ней навсегда.

Я же думал о том, что журналистика – очень близкое к самогоноварению дело. Как все похоже! Сперва сбор фактов, то бишь исходных материалов. Их проверка. Затем ставится брага, которая бурлит, меняет свой химический состав, из мутной жидкости делается все более светлой, прозрачной и понятной. После перегонка – двойная, а то и тройная, а Лев Толстой, говорят, так и вовсе по 20 раз переписывал свои.

Одно перетекает в другое. Как сейчас помню, я с грустью смотрел на бурлящий аппарат в своей кухне, оставляя его в трудный для отечества час – 19 августа 1991 года. Это было расставание навсегда. Я помчался к Белому дому собирать фактуру для подпольной газеты. Тогда я перепрыгнул на какую-то другую ступеньку. Самогонный аппарат из драгоценного инструмента превратился в бабскую снасть, в простецкую скороварку, в крышке которой я просверлил дырку для подсоединения змеевика. Карета практически превратилась в тыкву в тот, типа, роковой день. С моей более молодой коллегой все случилось позже, причем ситуация развивалась в обратном направлении. Я от твердого сахара с дрожжами, жидкой воды и газообразного первача пришел к бумаге. Она же от бумаги и эфира (словечко-то какое!) пришла к чисто-

те, и сосредоточенности, и выверенности домашней водки. Диалектика! С чего вдруг я про нее вспомнил? Не оттого ли, что диалектическая спираль есть не что иное, как змеевик?

Может, кому-то покажется, что самогонование не женское дело. Отчего же? Люди обычно гонят на кухне, а женщине там самое место, в конце концов... Это я вам как опытный феминист говорю.

«А кто же эта таинственная девушка?» – спросите вы. Скоро сами узнаете. Пока что она пописывает кое-что по старой памяти, мы все еще – пока! – смеемся над ее текстами и чешем над ними репу. Но с нового года она решила покончить со старым. Хватит! Вы заметите ее отсутствие сами...

А я – нет! Меня она обещала звать в гости и поить самогонкой. А когда так, когда выпивают на кухне, то сама собой заходит беседа о всяком там животрепещущем. Я буду, как и прежде, получать ее язвительные комментарии по всем забавным событиям. Просто это будет происходить в VIP-режиме, для особо узкого круга.

Побеседовав с этой журналисткой, я, естественно, подумал: может, мне и свою жену подключить к самогоноварению?

Но после от этой затеи отказался. Дело в том, что моя жена если что и пьет, так вино. И вот представьте себе, что она через силу будет наступать на горло собственной песне, не испытывая к самогонке никакого влечения. Это будет неискренне. Продукт застрянет в горле: всегда ж отличишь за-

казную статью от той, что написана из любви к искусству...

Как академик говорю...

23 ноября 2006 г., 15:21

Это я про себя.

Академия имеется в виду литературная, та, что распоряжается премией «Большая книга». Нас, академиков, там почти 100 человек, большая часть – необычайно солидные люди. И вот в среду, 22 ноября, мы, собственно, и раздали литературные премии. Мне приятно вам напомнить, что первая премия – 3 миллиона хоть и рублей, но тем не менее. Вторая – 1,5 миллиона, третья – 1 миллион.

Между прочим, на премию скинулся и журнал «Медведь», который я в компании с Альфредом Кохом и Александром Воробьевым когда-то имел удовольствие издавать.

Что вам сказать после всего? Наша премия – самая богатая в стране. Круче только Нобелевская. И собственно, ничего не остается, как двигать русскую литературу. При помощи такой немаловажной материи, как деньги.

Все это, конечно, лестно. Я этим на полном серьезе хвастаю. Не раз уже я восклицал в сердцах посреди дебатов: «Ты как с академиком разговариваешь?»

И совершенно тут невинно и простительно выглядят лирические заходы типа: «Думала ли ты, что будешь жить с академиком?» Я даже беру на себя смелость иногда заявлять:

«Я тебе как академик говорю: эта книжка – полное говно. Понятно?» Это все риторические вопросы. Но есть и другие, такие, где готовых ответов нету.

А как делить эти деньги? Как они реально делятся? Может, надо своим ребятам их раздать? Или кому-то заслуженному? Что касается меня, то я свой голос отдал честно и простодушно за качество литературного материала. Не в последнюю, может, очередь потому, что в литературной тусовке я человек чужой. Я прислушиваюсь иногда к дебатам, которые ведут профи (вспоминая при этом чьи-то смешные строчки: «жена литературоведа, сама литературовед»), и они на меня нагоняют тоску. Типа «а кроме хороших текстов, нужен еще стаж». Объявись, значит, новый гений, так его замотают, печатать не будут? Пушкин-лицеист ждал бы до пенсии своего успеха... Или такое: «А почему среди номинантов не представлены все течения вплоть до постмодернизма или там философской прозы?» Нет, ребята. Книжки надо награждать только хорошие – и все тут. Прочие настроения мы будем выжигать каленым железом. Это я вам как академик говорю.

На этот раз в основном (не буду о временных трудностях и отдельных недостатках) все удалось. Хотя я готов был ко всему. Особенно драматическим был момент перед вручением первой премии – после того как уже наградили швейцарского нашего эмигранта Михаила Шишкина, из своего беспечного далека ностальгически обсасывающего язвы покинутой родины, вместо того чтоб наподобие Аввакума обли-

чать пороки из какой-нибудь Овсянки, и ветерана пророческой прозы Александра Кабакова, который гениально предсказал московские бои 1993 года и секс в американском Белом доме.

Ну и кому ж дадут? Я ожидал худшего. Я мрачно осматривал зал, многие восторги которого мне страшно чужды. И готовился к неприятным расспросам, придумывал заранее оправдания, почему с первой премией получилась чистая лажа.

И в этот самый момент объявили Диму Быкова.

Как, этого толстяка, который ходит по городу в шортах (ну, кроме случаев особых холодов), который ругается матом, так неинтеллигентно хохочет, ведет себя так простецки, будто он у себя на дачном участке? Который вообще кто такой? Он слишком молод к тому же, 1967 г.р., а пусть еще послужит! Пусть надует щеки, добавит пафоса, напустит глубокомысленности! Пускай станет солидным и обязательным! Пусть возьмет себя в руки и остепенится, пусть избавится от вредных привычек и пагубных поведенческих, которые... ну ладно, в другой раз про это.

Сегодня мне не до шуток. Потому что я могу со спокойной совестью сказать: «Да, мы выбрали реально Большую книгу». Кавычки можно убрать. Это я вручил первую премию. Это я быковского «Пастернака» из серии ЖЗЛ читал старинным, почти напрочь забытым уже способом «взахлеб». Этого уже вполне достаточно. Но я могу добавить аргументов.

Кроме того, что книжка просто хорошо написана, на тему, от которой у автора слюни текут, о поэте, перед которым он снимает шляпу, там же еще столько фактуры собрано! Причем непредвзято! Пастернак там всяким видится, таким, каким ни в жизнь бы не показался сам! Очень тонко и то, что я в Борисе Леонидыче, скажем так, разочаровался: сперва в тысяча девятьсот семьдесят каком-то году прочел «Живаго», слепо напечатанного на листках фотобумаги, тайком, проникся и возненавидел гонителей великого автора, а после, когда все стало дозволено, перечитал и оценил реакцию Ахматовой, которая только очень близким по секрету призналась, что роман слабоват... Быков это все помнит лучше меня, но вот кинулся безрассудно реабилитировать любимого человека и в этом преуспел.

Прекрасно также поданы в быковской книге подлости советской эпохи, о них еще помалкивают, дожидаясь, видно, пока перемрут злодеи. Какой-нибудь Калинин ходит и улыбается начальству, после того как его жену посадили ни за что, – вот, типа, героизм! Жалкая ситуация, настоящая, советская, подлая, на фоне строек, и энтузиазма, и людоедства в Поволжье...

Второй серьезный вопрос: а можно ли большими деньгами спасти литературу? Ответ: да. На премию тот же Быков может, бросив все свои семь или восемь работ, это не считая радиостанций и Украины, сесть и написать несколько замечательных документальных книг, повторяя успех блестя-

щего Радзинского. Это было бы прекрасно. Но скорей всего он меня не послушает и кинется писать стихи и недокументальную прозу. Он меня не слушает никогда и на моих глазах совершает невыгодные поступки. Он непредсказуем и нерасчетлив, он живет и действует по наитию, следуя, видно, движениям души. Как и положено настоящему писателю и поэту. Деньги всего лишь порадуют Быкова и его близких, а писать он вряд ли станет лучше... Какой ему толк от нашей премии? Ему – ладно, никакого. Но сотни и тысячи молодых ребят, которые сейчас сочиняют всякую ерунду – речи там для политиков, рекламу прокладок и сценарии убогих сериалов, – почешут репу и задумаются...

Теперь есть о чем.

Пугачев и чекисты

30 ноября 2006 г., 17:38

Роог Литвиненко! Ужасная гибель, мучения и проч. Но все понимают, сколько рисков разом он собрал!

1. Он чекист, ну или, пардон, бывший чекист, или как у них там – бывают они бывшими, нет ли, поди знай.
2. Он чекист-перебежчик.
3. Он активно работал против российских официальных интересов.
4. Сотрудничал и дружил с людьми, которые в очень активном розыске и т. д.

Вряд ли при таком раскладе он рассчитывал помереть на старости лет в родном доме в окружении внуков и правнуков. Явно он не исключал, что в скором времени будет давать отчет на самом верху, чем он сейчас, видимо, и занимается.

Но это его проблемы.

У нас – свои. У меня вызвали эмоции вот какие нюансы. Я порадовался: вот как мы стали заботиться о своем здоровье и здоровье наших соседей по Европе! Мы самолеты проверяем и чистим, рекомендуем 33 тысячам пассажиров пройти обследование на предмет такого поражающего фактора, как проникающая радиация, – после возможного провоза в аэропланах мини-контейнеров с полонием. А не даже как в 1986 году всему британскому воздушному флоту и нашим спецслужбам, партии и правительству, более того, всей мировой общественности было плевать на то, что я плыву на резиновой лодке в зоне радиоактивного заражения, ловлю в речке Жиздра рыбу, жарю ее на костерке и жру! А на меня сыплется радиоактивная пыль из проплывающих в синем небе облаков! И я пью водку, хотя, если б меня предупредили и научили в тот момент, я б взял с собой рюкзак красного, которое, как мы знаем, выводит радионуклиды (если, конечно, это не пиар французских виноделов). Именно так я с товарищами и подругами проводил майские праздники 1986 года. Слава Богу, радиация в не очень высоких дозах убивает медленно, я все еще жив, правда, сегодня замечаю, что потенция уже не та, что бывало, – и с чем еще это свя-

зять, как не с последствиями Чернобыльской катастрофы?

В общем, налицо заметное и радикальное смягчение нравов и новая, какая-то трогательная забота о маленьком человеке. В 1986-м грохнуло, и ладно: авось, решило тогдашнее начальство (которое задним числом приписывает себе небывалую, фантастическую заботу о простой публике), все не передохнут. Облако полетело над страной, потом над соцлагерем, далее везде, сея рак щитовидки и малокровие. Помню разительную такую деталь: газетам про чернобыльские последствия не позволяли писать, но членов КПСС в пораженных районах снимали с учета в момент и голову идеологической ерундой не морочили. Типа, свои пусть спасаются.

Тут впору искренне прослезиться: все-таки в этом стало лучше и честнее. Кстати уж и о прессе: конечно, сейчас ее тоже можно заткнуть, но уже не так грубо и не так стопроцентно. Требуются серьезные телодвижения по, к примеру, скупке издательских домов. Вы как хотите, а я в этом вижу прогресс. Кому-то обидно, что его орган купили, – но, в конце концов, разве не о чем-то таком мы мечтали при Советах по пьянке на кухне? За что боролись, на то и напоролись... Кто обиделся – тот похож на отечественный автопром, который вроде за настоящую экономику, но требует для себя каких-то преференций...

И по существу вопроса. Покойник Литвиненко невольно высветил самую обидную проблему наших чекистов. Он самой своей смертью досадил им, перед лицом мировых СМИ

ткнув их носом в такой факт: огромное количество заочно приговоренных людей прекрасно чувствуют себя на Западе и насмеваются над нашими спецслужбами!

Особенно это касается наших перебежчиков. Люди живут, ни в чем себе не отказывая, прекрасно себя чувствуют (как Литвиненко еще совсем недавно), пишут книги, где беспардонно клеветают на Лубянку и даже на сам Кремль, водят экскурсии по шпионским уголкам Вашингтона, дают пресс-конференции...

Вот Татьяна Толстая до сих пор гордится своим предком, офицером спецслужб Федором Толстым. Тот тоже мог бы сидеть молчать в тряпочку, как некоторые, – но нет! Он уехал на Запад и доставил оттуда живьем изменника Родины царевича Алексея и после лично пытал того в застенках, с участием Петра Великого.

Чем будут в этом плане хвастать внуки теперешних чекистов? Своей вероятной причастностью к контрабанде полония?

Умели же раньше! Вспомните того же Пугачева (не будем тут обсуждать, в чем он прав, а в чем виноват, может, он не врал и вправду был настоящих царских кровей, – главное, что он был в розыске), которого поймали, взяли живьем и везли в железной клетке по стране, и казнили официально, гласно и прилюдно, а не какой-то полуабстрактной ракетой. Это было куда убедительней, чем посмертный издеватель-

ский портрет Масхадова.

Конечно, скажут мне, сегодня это нереально – притаранить бывшего генерала КГБ Калугина из США в железной клетке, и судить в Мещанском райсуде, и отправить его в Краснокаменск – в одну зону с Ходорковским. Это было бы незаконно. Во-первых, срок Калугин должен будет в таком случае отбывать в том же субъекте федерации, где его судили. Во-вторых, как вы понимаете, законы США не позволят нашим разгуляться за океаном.

Но как-то же израильтяне выкрадывали военных преступников за границами, доставляли же их домой и судили! А мы что же?

Меня могут попрекнуть: что, опять евреи во всем виноваты? Нет, нет! Ни в коем случае! Заметка совсем о другом...

Привет мадам Флемминг от бывших советских журналистов

7 декабря 2006 г., 16:09

Когда начинаются дебаты о том, из чего все-таки делается колбаса, люди высказывают самые фантастические предположения: из парной телятины, например, и проч. Но работники ножа и топора, труженики мясокомбинатов при этом помалкивают и разве только усмеваются.

Дебаты о свободе слова и прессы – в отличие от обсуждения рецептов колбасы – не оставляют равнодушными и са-

мих героических сотрудников СМИ.

Я редко в них встречаю, потому что долго объяснять. Надо начинать буквально с яйца (ab ovo), а это не всегда удобно. На этот раз попробую коротко.

В юности я имел удовольствие трудиться в провинциальных газетах. Управлялись они, вы будете смеяться, обкомом. Для этого были специальные штатные единицы: инструктор и зав. сектором печати, секретарь обкома по идеологии и, может, еще кто-то. Да и вообще любое ничтожество, которое там служило, могло вякать и указывать совершенно безнаказанно. Кроме всего прочего, за каждой редакцией, даже самой жалкой заводской многотиражкой, был закреплен так называемый куратор от КГБ (ранее ЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, АСБ, ФСК, ФСБ – не обижайтесь, рыцари плаща и кинжала, если забыл какое-то из ваших блатных погонял). Чем они занимались? Поди знай. Но в целом – бдили. Или, пардон, бдели? В наших кругах – кругах, подконтрольных всем этим бездельникам, – было в ходу выражение: лучше перебдеть, чем недобдеть. (Тут я не могу удержаться от смеха, потому что, конечно, приходит на ум госпожа Флемминг. Пусть не обижается, я на самом деле страшно люблю немок, особенно в молодости любил, когда учился в одном из немецких университетов, намекну, в 40 минутах на электричке от самого Дрездена, где доблестно служил один чекист. Любил до такой степени, что из принципа не знакомился в те времена с русскими девушками, не без оснований полагая, что это еще

успеется, а язык надо учить, пока горячо. Вообще говоря, я и немцев люблю, правда, в другом смысле, они часто такие трогательные и наивные.)

Еще – кроме явного обкома и пытающегося соблюсти приличия КГБ – у нас была такая контора, как Главлит, здесь канцелярская феня (ничего, что я отклоняюсь от темы? Пусть молодежь послушает, а то старики думают, что и так все всё знают, а новое поколение даже не догадывается, какие тайны мадридского двора имелись и хранились в любом скромном Мухосранске) скрывала не что иное, как банальную предварительную цензуру. Все полосы перед публикацией давались на прочтение цензору, который за-ради репортерской оперативности, чтоб с колес в номер, сидел, не мудрствуя лукаво, прямо в редакции или в типографии. А чего стесняться? Все свои. Зачем перед своими разворачивать спектакль про то, что сосиски начиняют парным мясом? Только людей смешить. Один, значит, в творческом полете дрищет нетленку, а другой с удавкой его торопит: а ну давай скорее, у нас же график, пора бдительно прочитывать все, ставить штампик (то бишь «литовать») и внуков идти воспитывать.

Деятельность этого учреждения была окутана тайной, я не мог от цензоров допытаться, какие у них критерии. Но справедливой оказалась народная примета насчет того, что все тайное становится явным. Так оно вышло и на этот раз. Прошли годы, и ко мне в руки попал документ, который над

нами когда-то нависал. Не удержусь от удовольствия процитировать его в очередной раз.

Итак, «ПЕРЕЧЕНЬ сведений, запрещенных к открытому опубликованию». 192 страницы, гриф «СЕКРЕТНО». Год издания – 1987-й. Самая перестройка, напомним для простодушных!

Издатель – Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР (Главлит СССР).

Перечислим то, про что было нельзя.

«Упоминание о низком политико-моральном состоянии личного состава ВС СССР, в том числе о негативных отношениях между военнослужащими...»

«Упоминание о чрезвычайных происшествиях (убийство, самоубийство, ранение, членовредительство, дезертирство, хищения вооружения и военной техники, гибель и увечье людей, массовое отравление и обморожение, нарушение правил несения боевого дежурства, проявление военнослужащими группового недовольства (!), неправильное поведение их по отношению к местному населению)».

«О штрафных батальонах и заградительных отрядах, кроме общего наименования».

«Методика расчета потерь и разрушений от оружия массового поражения».

«Топографические карты масштаба крупнее 1:1000000 и планы территории СССР».

«Морские карты – любых масштабов». Ну это чтоб не сбежали в Турцию, понятно.

Далее: «Система параметров общего земного эллипсоида и параметры гравитационного поля Земли, принятые в СССР». Хм... Наверно, из политкорректности – чтоб не обижать тех, кто считает Землю плоской.

«Сведения о радиоактивном загрязнении окружающей среды локальными (неглобальными) выпадениями, позволяющие определить место, дату и причину явления, вызвавшего повышение уровня радиоактивности». Напомню, что Чернобыль случился годом раньше, в 86-м. Партия и правительство готовились к исправлению ошибок... Типа, рванет еще, так чтоб молчок?

«Данные об аварийных сбросах и выбросах на гражданских объектах, представляющих высокую опасность для человека».

С военными тайнами типа атомных, ракетных, лазерных, подводных – и так понятно. Но к таковым относили в те годы и ЭВМ. Нормально?

* * *

Вот еще что запрещено: «Упоминание о том, что бывшее ДСО «Зенит» объединяло спортсменов, физкультурников, спортивные коллективы предприятий и учебных заведений оборонных отраслей промышленности...»

В гражданской промышленности тоже было много секретного: золото, бриллианты, алмазы, цветные и редкие металлы, полупроводники, радио, самолеты, пароходы, нефть и даже тетрагидрофуриловый спирт.

Секретными были объявлены и вакцины, вот вам список: противочумная, холерная, сибиреязвенная, химическая сорбированная тифозно-паратифозно-столбнячная, оспенная, туляремийная, бруцеллезная, ботулинический анатоксин, секстаанатоксин. А еще – сыворотки: противостолбнячная, противоботулиническая, противогангренозная.

Трепещи, читатель! Хотя задним числом.

Внешняя политика и внешняя торговля. Тут свои секреты. К примеру, «себестоимость обслуживания иностранных туристов в СССР, соотношение этой себестоимости с продажной ценой на туристские путевки». Ну и еще патенты и лицензии и все такое прочее международное секретное.

Ну, взбодрились, инвалиды гласности, страдатели за свободу слова? Поняли, что зря ноете? Видите, какой прогресс! Жить стало лучше, жить стало веселее? О чем и речь! А то вы вечно всем недовольны...

По мне, так самым смешным был пункт с интимным названием «Связь». Там были объявлены секретными «сведения по вопросам радиозащиты от враждебной пропаганды и использования соответствующих радиотехнических средств». А также «о слышимости или напряжении поля радиостанций иностранных государств на территории СССР».

Слышимость, слава Богу, была вполне терпимая – разглашу вам эту гостайну задним числом. Мы слушали «голоса» долгими зимними вечерами и, несмотря на старания органов, более или менее представляли себе картину мира и понимали, какое место занимает в нем наша бедная страна и наши туповатые бюрократы, которые в итоге все просрали. Иными словами, свобода СМИ существовала в полный рост. Не припомню ни одной животрепещущей темы, которая не обсуждалась бы гласно, открыто и неподцензурно! Вражескими, правда, голосами.

А утром, придя на работу, мы валяли дурака и сочиняли всякую ерунду про надои, приросты, подъемы и отстои.

Но идиотизм – плавно переходим наконец к сегодняшнему дню – не был безграничным. Я прекрасно помню случаи, когда на обкомовских держиморд находилась управа. Когда совсем уж распоясывались и не давали вздохнуть, кто-то – да хоть и я сам – писал заметку куда-то в центральную московскую газету, которая была органом уже не какого-то затрапезного обкома, но самого ЦК! И оттуда давали грозный окрик, а мне из обкома слали письменный ответ. Вот смеху-то было.

И сейчас ровно та же картина, только с поправкой на глобализацию. Немецкий обком оборзел, а американский ЦК поставил его на место.

Русский «Форбс» – форбсее всех «форбсов»!
Это все мы изобрели, русские! Наша схема!

А нам за это ни danke, ни thank you.

И на том спасибо...

Царствие небесное Пиночету

14 декабря 2006 г., 16:12

Когда в Сантьяго де Чили наш генерал Котелкин, один из начальников всех росвооружений на тот момент, рассказывал мне про Пиночета, он весь аж светился и говорил:

– У нас тоже будет свой Пиночет... А вот же он, уже пришел!

Дело было весной 2000-го, так, для справки.

На авиасалон в Чили тогда съехалось множество людей, давно связанных с Латинской Америкой. Не скрою и скажу сразу, что я слышал немало свидетельских показаний типа: «Помню, группу сторонников Альенде привезли на Кубу – так их на носилках из самолета выносили, люди встать не могли после пыток. Некоторые сошли с ума после того, что с ними сделали военные».

Меня такие рассказы попросту возмущают. Русским такие разговоры вести нельзя, нам тут лучше молчать. Нам-то нечего рассказать про изможденных колымских зэков, которых наши коммунисты выпустили живьем во внешний мир, чтоб те жаловались.

Что же касается количества жертв – по данным самих левых, – то нам и тут придется краснеть: три с половиной ты-

сячи человек. А мы свои тоже можем подсчитать достаточно точно, ну плюс-минус десяток-другой миллионов. У нас больше людей отравилось метиловым спиртом при Горбачеве! На минуточку.

И про советскую экономику мы тоже ничего хорошего сказать не можем, никто и не думал, находясь в здравом уме, перенимать наш опыт, – кроме тех случаев когда это происходило под дулом не то что пистолета, но танка.

Чудесная, уютная, чистая, спокойная страна, по накалу безмятежности и легкости бытия сравнимая разве что с простодушной Австралией. Довольно богатая, кстати сказать. И такой она стала при Пиночете.

Про все это я думал, сидя в кабине истребителя-бомбардировщика Hawker Hunter – поди знай, может, того самого, который пикировал на Ла-Монеду. Я думал свою нереалистическую сказочную фантазию про то, что если б кто-то из русских генералов в том же 73-м году скинул старых пердунов, собравшихся в Политбюро, взял бы власть и построил в стране нормальную жизнь. Но нет! Все мы знаем, что наши генералы не той закалки. Слабо им. «Смело входили в чужие столицы, / Но возвращались в страхе в свою», как сказал по похожему поводу нобелевский лауреат Бродский.

Наши генералы прекрасно себя чувствуют. Никто их не сажает, и не судит, и не выдает. Ну да хоть тех, которые давали приказ расстреливать рабочих в Новочеркасске в 1962,

что ли, году. У нас все в порядке! Может, энкавэдэшных генералов как-то пожурить хоть посмертно, которые командовали концлагерями? А авторов законов про жен и детей изменников родины? Прекрасные были людоедские законы. А как мы казаков стробовали с англичан? В 1945-м? И как их чекисты вешали во внутренней тюрьме Лубянки?

Про Пиночета мне рассказывал там близкий ему человек, Мигель Краснов. Бригадный генерал. Сражался с повстанцами, воевавшими с оружием, которое в 1973 году привезли кубинские товарищи. Там до сих пор полно схронов! Какие повстанцы?! Не было ничего, только Виктор Хаара пел на стадионе, а военщина давила безоружных студентов! Откуда у вас такая информация? Из советских газет? А, то есть вы построили картину по советским пропагандистским штампам!

Хорошо тогда сработали цековские аппаратчики. Люди верят до сих пор. А это была всего лишь операция прикрытия, ведь и Альенде был весь кремлевский, и кубинцы не сами по себе полезли в Чили, и не на свои деньги они это все проворачивали, а на наши, кровные...

С Пиночетом ясно, но и Краснов, получается, преступник! Конечно, а как еще назвать офицера, который сражается против иностранных наемников в своей стране? По оценке чилийских военных, наемников – кубинцев и восточных немцев – в Чили тогда проникло больше 10 тысяч. А оружие, чтоб вы знали, туда везли в мешках с сахаром, который

Альенде по-дружески закупал на Кубе.

Краснов в 2000-м был еще на воле, это после левые его посадили. Мы вечерами выпивали с ним в ресторане офицерской гостиницы, он рассказывал про маму и бабушку, которые научили его русскому языку. А больше он ни с кем по-русски не говорил, не было никого наших. Язык у него чистый, густой как в «Тихом Доне», с замечательным фрикативным «г» – оно у него даже лучше, чем у меня. Краснов мне по-человечески очень понравился. Мы с ним вообще, может, в родстве состоим: наших с ним матерей фамилия – Марченко.

Донские казаки не раз звали Мигеля в гости. Но он ждал официального приглашения – ну в самом деле, не туристом же ехать. Так и не дождался. А идея поставить Дзержинского обратно вызвала куда больший отклик, чем мысль о приглашении Краснова на Дон.

Ну, в общем, тут много можно про это. Тема человеческой неблагодарности – она безгранична. Вот еду я как-то в такси по Сантьяго де Чили и беседую с таксистом все про то же.

– Ненавижу, – говорит, – Пиночета! Чтоб он сдох!

– Что он тебе сделал?

– А ничего. Но – диктатор ведь!

Господи, образумь этих людей! Человек отдал власть гражданским добровольно и сидел себе тихо, внуков воспитывал. На родине причем остался, а мог бы свалить.

Я сказал таксисту:

– Ты должен быть по гроб жизни благодарен Пиночету!

– И за что же? – непонятливый попался.

– Вот смотри. У тебя на счетчике уже – в пересчете – 10 долларов.

– Ну?

– Ты еще людей покатаешь и поедешь домой пить пиво перед ТВ.

– Так, так, и?..

– А если бы не Пиночет, я б за эти 10 долларов твою дочку в позу ставил (тут я помог себе жестами, ибо по-испански я не очень). А ты б за ромом для меня побежал!

– А почему за ромом? Мы же тут писко (местная чача) пьем!

– А вас бы кубинцы научили! Они б ваше писко удавили при помощи вашего местного Онищенко, а свою бы ликеро-водочную отрасль поддержали.

– А почему б ты мою дочку того?

– Так у вас бы социализм! А каким бы он был – можно на Кубе сегодня посмотреть.

Таксист почесал репу:

– Да, не ценит человек своего счастья... Не ценим того, что у нас есть.

Вряд ли до него дошло – скорей всего хотел клиенту (рыночная же экономика, спасибо Пиночету) сделать приятное. И это человеку практически удалось.

Почем баррель дерьма собачьего?

21 декабря 2006 г., 16:11

На днях, отправляясь в колыбель революции с так называемого Ленинградского вокзала (в честь чего, интересно, он так называется? Ведь города Ленинграда не существует), я увидел ужасную картину: бомж пил боржоми из горла. Хорошо, что рядом не было санитарного врача Онищенко, а то его бы, чего доброго, кондратий хватил. Напиток все-таки вредный. Он легко мог бы повредить бомжовскому здоровью. Онищенко кинулся б к несчастному, который пренебрег этой всем известной нормой гигиены, и вырвал бы бутылку из его рук одной своей рукой, другой держась за сердце. Он ведь человек тонкий и заботливый.

Непонятно, откуда взялась бутылка предосудительного напитка. То ли это из старых еще запасов, то ли привез человек из Грузии. Легко себе представить эту картину: уехал человек на Кавказ подальше от русской зимы, расположился там где-то под пальмой – и вдруг узнает, что в Москве, откуда он сбежал, плюс десять! Глупо в такой ситуации предаваться ностальгии и употреблять горький хлеб чужбины. И вот он отправился на родину, прихватив в дорогу боржоми, «мукузани, хачапури и еще, от греха подальше, мчади». Родина встретила его, однако же, сурово, и это, кстати, ее обычная манера поведения...

А может, эту бутылку и вовсе на помойке человек нашел – торговцы ведь легко могли испугаться преследований и... того. Я вот тут проходил мимо хорошо известного мне грузинского кафе и увидел, что с вывески исчезло национальное название, остались только нейтральные слова «кафе» и «бар».

– Что так? – спрашиваю у хозяйки.

Она, опустив глаза, призналась, что это на всякий случай. Я пожелал ей скорейшего возврата к старым безмятежным временам.

Что же касается воды боржом, то ее давно перестали пить сколько-нибудь проницательные люди: при такой цене и таком спросе как же уберечься от подделок! Я сам не далее как в самом конце прошлого века, путешествуя по Волге, в одном из городков завел знакомство с одним местным бандитом. Так вот он еще тогда предостерегал меня об опасности поддельного боржома:

– Кругом одни подделки! Люди берут воду из-под крана и лопатами засыпают в нее какую-то подозрительную соль!

Все мне стало ясно, но он, как позже выяснилось, только начал свою речь в мое спасение:

– Главное – научиться распознавать настоящий боржом! И тогда все будет в порядке.

– Наверно, это трудно? Надо в лабораторию отдавать или что?

– Нет, надо просто запомнить, какой вот тут шрифт, и как

вот здесь наклонена картинка, и густоту вот этой краски. — Он при этом вертел бутылку в руке.

— Так-так. — Я впечатывал детали в свою память. — Значит, с такими вот кривыми буковками и будет настоящий грузинский боржом?

— Ну зачем же грузинский! Это настоящий наш поволжский боржом. Мы делаем его из лучшей воды. Надеюсь, ты не будешь спорить с тем, что лучшая вода — в Волге? И в нее мы засыпаем не что-то, но настоящую соль из Грузии! А не какую-то местную химию, как наши бессовестные конкуренты, чтоб у них руки отсохли, тьфу!

В общем, все стало ясно с боржомом.

Бедный бомж! Он между тем допил смертельно опасную воду, засунул бутылку в китайскую полосатую сумку и пошел дальше по своим неотложным бездомным делам по площади трех вокзалов, месту своего естественного обитания. Я, глядя на него, перестал жалеть Онищенко. Я решил, что все-таки неплохо было б Онищенко подойти к этому бомжу, пожать ему руку, а то, может, и приобнять, и рассказать о пагубных свойствах грузинской шипучки. Да, бомжи обыкновенно весьма грязны и издают тяжелый запах. Они, боюсь, не очень старательно моют руки перед едой. Бомжовская одежда тоже не очень тщательно была постирана (в позапрошлом году). Да лужи, на берегах которых они ночуют, похоже, заполнены не совсем стерильной водой. Часто они спят на московской траве, которая обильно удобрена собачьим дерьмом

(которого на каждый квадратный метр выпадет до 40 килограммов в год, есть такая статистика – мы ж не Нью-Йорк, где даже безработные негры собирают какашки за своими собачками в особый черный пластиковый пакет, мы с Парижа берем привет, где насрано так насрано, мы ж Европа все-таки). Но это не остановило б Онищенко от похлопывания бомжа по плечу. Потому что если б от обитателей московских улиц исходила какая угроза – распространения какой инфекции, допустим, – то уж будьте спокойны, онищенко-ские санитары непременно навели б порядок! Забили б тревогу! В набат! В ружье! А так – тихо все, спокойно.

И это все – от печального недоразумения. Просто как-то так случайно вышло, что у бомжей нет серьезных денег, а собачье дерьмо еще не вышло на IPO и потому не может высоко котироваться на мировых биржах. И никто в этом не виноват. Эх! А стоило б только бомжам обзавестись деньгами, а собачьему дерьму подняться в цене ну хотя б до 20 долларов за баррель, Онищенко порешал бы все с этим связанные проблемы!

Бомжи – это жуткое бактериологическое оружие, потенциально. Представьте себе бомжа, насыщенного бациллами и вирусами, упавшего в водозабор! Москва вздрогнет от ужаса. А вообразите эпидемию жутких заразных болезней, возникших из собачьего дерьма, раскиданного собаководами по всей Белокаменной? А если это синхронно? Да еще и с пищевым ударом со стороны коварных стран от Польши до

Грузии, которые окружили наше отечество?

* * *

Онищенко! Проснись! Отступать некуда! За тобой Москва. Надо что-то делать! Спасение брезжит в конце тоннеля: я так и вижу своим мысленным взором семьдесят тысяч «Наших», которые, будучи свезены со всей страны в столицу, проводят помывку и дезинфекцию бомжей...

Но некогда человеку. Он занятой очень. Много работы.

В ожидании Свиньи

28 декабря 2006 г., 14:48

В эти дни, когда люди психуют, думая, как бы не нажрать-ся в Новый год сразу, часов этак в шесть вечера, и не попасть на каникулах под тайфун или разборки этнических террористов, на первый план вышла тема Свиньи. Которой будет принадлежать следующий год.

Вы будете смеяться, но в этой связи у меня берут интервью журналисты из разных стран, глобально, от Украины до самого союза России и Белоруссии, про меня пишут очерки и с умным видом просят дать комментарий, а то и вовсе прогноз. Некоторые доходят до того, что возлагают на меня ответственность за весь 2007 год — не в том смысле, что мне дадут Нобелевскую премию мира, если все будет хорошо, а

в том, что я буду, типа, виноват, если что не так.

Неплохо для начала.

Поэтому я решил высказаться во избежание недоразумений.

На моей памяти год Свиньи наступает в четвертый уже раз, но никогда прежде такого ажиотажа не было. Наверно, тому есть какие-то причины. Давайте попробуем в них разобраться.

Одна из них – стремительно растущий страх перед Китаем. Подсознательно многие наши граждане давно уже решили капитулировать перед многодетным густонаселенным соседом. И вот они заранее приспособливаются к новым условиям, бесхитростно решив перенять календарь. Что же всерьез касается влияния Китая, то я давно уже предлагаю решение с его помощью всех наших кавказских проблем. Надо Чечню и прочие беспокойные районы отдать Китаю в аренду лет на 99, как Гонконг. Китайцы завезут туда чуть-чуть своих, чтоб они там начали шить штаны на ручных швейных машинках, расставленных на улицах (а такие сцены видел в Поднебесной повсеместно), и готовили плацдарм для экономической экспансии. Завезут они туда народу совсем чуть, ну миллионов сто там или двести. И тогда бородатые партизаны с гранатометами окажутся в очень незавидной ситуации: своей активностью они будут ставить под угрозу благосостояние китайцев! Что те сделают с несчастными ваххабитами, страшно даже себе представить – после того как своих

родных студентов китайцы в 89-м просто размазали танками по площади Тяньаньмэнь. Какую китайскую казнь придумают они для чужих зловредных иностранцев? Какой простор для фантазии!

Вторая причина модности темы Свиньи, думаю, такая: суровость противостояния белой и исламской цивилизаций. Свинья как символ сопротивления! Ну трупы шахидов там хоронят в свиной коже... Бомжей, среди которых немало арабов, какие-то французы угощали супом со свиной, типа он питательный... И тут вдруг, как сговорившись, люди ухватились за такую как бы совершенно случайную вещь, как китайский календарь... Опа! Мы победим! Люди размахивают Свиньей, а сами как будто и ни при чем... Ловко.

Конечно, и скандал с карикатурами повлиял на ситуацию. Пользуясь случаем, я тут хочу предложить такую меру, которая поможет избежать недоразумений в дальнейшем, – ставить на СМИ предупреждения наподобие тех, что помещают на порносайтах: «Это только для тех, кому стукнуло 18». Вместо возраста можно оговорить что-то вроде: «Предупреждение: не рекомендуется читать религиозным фундаменталистам и прочим фанатикам. Всякий вышеозначенный знакомится с этими материалами под свою ответственность. Жалобы от недовольных в судах не принимаются». И ставить на обложку в приметном месте гордый профиль свиньи. Радикалы постепенно привыкнут. И либо смирятся, либо построят себе гетто с паранджой и прочими прелестями.

Третья составляющая часть этой триады, третий источник – это, конечно, имидж свиньи. Она вкусна и, кроме того, беззаботна и весела. Она самодостаточна, ей плевать, что о ней думают другие, – а сколько ей всего предъявляют, не утрудившись поисками доказательств. Она, черт возьми, миролюбива и доброжелательна! Она объединяет народы – кроме тех, что сами себя уводят в сторону от проторенных путей цивилизации и объявляют исключительными. Я, может, против них ничего не имею. Это я вам как опытный свиляр говорю.

Эксплуатируя эту ставшую модной тему, Андрей Бильжо, художник и мой давнишний, еще когда он не был знаменитым, собутыльник, не так давно, причем на трезвую голову, предложил мне обратиться с новогодним поздравлением к народу – заместо президента Путина.

Андрею, конечно, спасибо за такое доверие. Я польщен: наверно, он же не просто так ляпнул, а сперва согласовал с кем надо, он человек со связями. Я не сказал ни «да», ни «нет», пока что думаю. Ответственность большая, а я человек легкомысленный.

И потом, могут неправильно понять: и так меня принимают иногда за теневого идеолога «Единой России» на том основании, что мой журнал называется «Медведь». Ну, я на всякий случай надуваю щеки, но если совсем честно, то должен признаться: журнал основан задолго до учреждения партии с таким же символом.

Пока что мне больше нравится другое предложение – в 9:00 1 января рассказать на Первом канале все тому же народу, который накануне слушал поздравление над оливье (написал это слово – и нестерпимо захотелось салата), как правильно опохмеляться. Все какая-то польза будет! Кроме всего прочего, на передаче будет Лена Проклова, которая еще со времен своих старых советских фильмов поднимает мой тонус. Причем завести с ней знакомство в те времена, когда исполняла роль Герды в «Снежной королеве», было нереально, а теперь же другое дело... Может быть, может быть... Как пел волк в «Ну, погоди!»: «В Новый год сбываются все мечты». Особенно в такой Новый год. Друзья! В первое новогоднее утро сожмите в кулаке какой-нибудь идиотский сувенир со Свиньей, вам же таких надарили полно, и болейте за меня – и у меня все получится! Не только в это утро, но и вообще.

Чего и вам, кстати, желаю.

Запрет на профессию

11 января 2007 г., 17:54

Первая древнейшая профессия возникла впереди всех остальных, наверно, совершенно случайно. Ну просто так вышло. Разумеется, куда почетней сеять зерновые, а также разумное, доброе, вечное! Или строить дороги, или там качать нефть. Но просто не было физической возможности в

первых рядах учредить профессии школьного учителя, комбайнера или нефтяного олигарха, поскольку не было еще ни школ, ни колхозов, ни Кремля. И потому миллион лет назад, когда человек начал строить цивилизованное общество, он – а куда было деваться? – не задумываясь учредил специальность номер один.

Через миллион лет некоторые прогрессивные страны эту профессию отменили. Ну, официально отменили, а на самом-то деле кишка тонка. Они просто увели ее в тень, в подполье, на криминальный уровень. Что-то похожее некоторые страны – иногда те же самые – устраивали с алкоголем, объявляя, что никто его с завтрашнего дня пить не будет, в результате чего наступал расцвет самогонварения и моды на питье жидкости для мытья стекол.

В других странах новости про попытки вырастить – точнее, выдрессировать – новую породу людей, равнодушных к водке и бабам, читали с глубоким удивлением. Вот и сейчас где-нибудь в Амстердаме люди смеются над наивными французами, которые не могут придумать ничего более умного, чем ловить ночных бабочек и беспокоить русских олигархических туристов, огорчая их и отпугивая. (Лучше б ловили тех, кто поджигает машины под Парижем. А то выписали себе командировку в Куршевель в разгар сезона, чтоб и покататься, и отчитаться. Так у нас МЧС проводило учения на Байкале в июле, прекрасно зная, что неприятности там случаются во время глубоко осенних штормов или уж на

льду.) Наши, конечно, отомстят французам и поедут в другой раз в Сочи, а французы пусть кусают локти. Они дождутся, что наш Онищенко в ихнем Бордо найдет какую-нибудь молдавскую заразу и запретит эвиан наравне с боржомом, — что, нельзя разве такое пролоббировать?

А в Таиланде новость про куршевельские аресты не вызовет никаких эмоций. Потому что азиаты вообще не считают белых людьми. Белые — это ленивые, конченные, испорченные лицемеры. Работать их не заставишь, еду требуют престранную, а уж как изоврались на темы морали, что им хоть в глаза плюй. О том, какие белые нравственные и целомудренные, тайские проститутки могли б диссертации защищать.

Белые такие — но не все... Я вспомнил тут про знаменитый квартал красных фонарей в Амстердаме, где дамы открыто оказывают секс-услуги. А налоги они не платят не оттого, что совести нет. По другой причине: они от налогов освобождены, потому что и так приносят пользу родному городу. Они ведь работают на рост туристской отрасли! У тех же немцев интересы секс-тружениц защищены законом. А во Франции и у нас — лицемерие.

Обратите внимание: я тут вступаю за первую профессию не из личных корыстных интересов. Куда мне! Юность моя прошла в советское время, когда секс наравне с образованием и медицинским обслуживанием был бесплатным. А сейчас, в новое время, я не холостой веселый олигарх, но скромный отец семейства и сосед. Проблема волнует ме-

ня чисто теоретически, я в данном случае служу интересам общества совершенно бескорыстно. Запрет коммерческого секса нехорош тем, что вызван лицемерием. А оно, в свою очередь, вы будете смеяться, подрывает устои! Да-да! Думать одно, говорить другое, делать третье – это мы уже проходили в Советском Союзе, который бесславно развалился. Мысль о вреде лицемерия, особенно в интимной сфере, пронзила меня во время поездки по зонам, когда я писал книжку про русских зэков. Как сейчас помню, шел я по одному поселку от женской зоны до мужской подростковой – ходу 10 минут – и думал: вот пацаны насилуют друг друга и опускают, а несчастные женщины режут друг друга на почве жуткой лесбийской ненависти, – и это считается нравственно. А вот возить семнадцатилетних юношей к женщинам, чтоб они вступали в естественные отношения, – это безнравственно. (Причем можно было не поголовно, а только передовиков производства и отличниц боевой и полиической.) Обществу так почему-то удобней... В голове это не очень укладывается.

И вот новый скандал с Куршевелем.

У олигархов и без того хватает проблем, их так равноудалют, что щепки летят до самого Краснокаменска, – и вот у людей еще отнимают, пытаются отнять, такую невинную радость как телки. Мне бы хотелось видеть в стране других олигархов, этаких бородатых староверов, которые вместо публичного дома ходили бы в храм, вместо казино строили бы богадельни и железные дороги, – но уж берите что

дают. Воспринимайте жизнь такой, какая она есть.

Так, может, разрешить все-таки? Пойти по голландскому пути?

Увы, думаю, что станет еще хуже. Мы не вынесем правды и открытости. Бремя свободы и откровенности нам не по силам. Размышляя о легализации проституции, я шел по Москве и рассеянно смотрел по сторонам. Тут и там глаз наткнулся на казино, игровые залы, залы автоматов разных сетей и хозяев. Легализуют у нас секс-услуги – и пропадут в городе последние булочные и аптеки. Их помещения займут бордели. Казино – бордель, зал автоматов – бардачок... Прекрасная, типа, будет картина.

Мы же ни в чем не знаем меры. И мы приблизительно себе представляем теперь, какова она, русская мечта... Она, похоже, такая, что про нее лучше сопеть в тряпочку.

Так что, как ни жаль мне олигархов, вынужден со вздохом согласиться: уж лучше лицемерие. Пусть золотая молодежь на отдыхе соблюдает конспирацию, пусть она переживает какие-то трудности вместе со своим народом.

Кому сейчас легко?

О пользе Проханова

18 января 2007 г., 15:54

Я тут позвонил своему коллеге и товарищу Александру Проханову поблагодарить за чуткое отношение. Я ему как-

то жаловался, что читать его газету «Завтра» совершенно невозможно: слишком мелкий шрифт. Они перешли вообще, кажется, на пятый или даже четвертый кегль. Я даже пошутил тогда: это Кремль, что ли, потребовал? Чтоб так деликатно отвлечь публику от твоей газеты? Он тоже, конечно, отшутился, оставив без комментариев тот отмеченный мной факт, что свои-то заметки он печатал довольно крупно и они читаются прекрасно.

Так вот: какое-то время назад – точно не скажу, я ж не все номера изучаю – газета снова перешла на более крупный шрифт! Я могу ее всю пробежать беглым взглядом. Ну спасибо. Вот оно, внимание к нуждам простых людей! В этом – проявление подлинного демократизма, в смысле дойти до каждого, и уважение прав людей, у которых не орлиный взгляд.

Газета Проханова и сам он – вообще в некотором роде такая лакмусовая бумажка. Если человек начинает брызгать слюной, узнав о моем теплом отношении к «соловью Генштаба» и том, что я с ним даже выпиваю периодически, я горестно вздыхаю: ну что же это, а где широта взглядов-то? Нешто мы не цивилизованные люди? Но, думаю, все это пройдет. Я сам жестко ругал Проханова в прессе за его статьи, за то, что он считался идеологом путча 1991 года. Каюсь. Но это ж было 15 лет назад. Но сегодня даже крайне правые люди уровня Чубайса и его окружения сотрудничают

с Прохановым! Они возили его на Бурейскую ГЭС и показали, что станцию, которая стояла недостроен с того самого путча, РАО ЕЭС достроило. И люди там трудятся и прекрасно себя чувствуют. Проханов репортажем про это занял всю свою газету. Чего же боле.

Но у нас же полно людей, которые хотят быть либеральней самого Чубайса... Для них Проханов нехорош.

Снимаю перед ними шляпу.

Еще я снял ту же самую шляпу перед Прохановым за его заметку про Саддама Хусейна, который им назван героем и мучеником XXI века.

«Ты согласен с этим выводом?» – строго вопрошал меня автор. Ну, я такими категориями не мыслю, но могу сказать, что казнь эта меня сильно огорчила. Я не принципиальный противник смертной казни, насчет маньяков еще подумать надо. Но что касается президента страны и отца нации, то чтоб его ТАК наказывать, надо быть ну по крайней мере дедушкой, причем этой же самой нации. Знаете, когда Петр I вешает царевича Алексея или Иван Грозный убивает сына дубинкой, это грустно. Но если б то же самое учинил какой-нибудь сосед, то это было бы менее политкорректно. В общем, я с Прохановым согласился в том, что Саддама ни в коем разе нельзя было вешать. На мой взгляд, его следовало бы посадить в одну камеру с – кого он там мочил, курдов? – с Аджаланом. Они бы там могли сколько угодно обмениваться

мнениями о том, насколько курды хороши или плохи. У турок хватило ума не вешать своего политзаключенного, при том что он даже и президентом-то не был!

Кстати, неплохо б напомнить общественному мнению, что оно само и виновато в курдской проблеме: им же пообещали государственность, когда разваливали Османскую империю. А потом кинули. Ну где ж эти антиаджалановские правозащитники, отчего они молчат? И Саддаму не пришлось бы решать курдский вопрос так радикально, если б за курдов вовремя и всерьез вступилась эта вот общественность.

Проханов – в отличие от американцев, несущих по всему миру знамя демократии и прав человека, – мой план одобрил. Но с одной оговоркой: ребята должны были не вдвоем сидеть, а втроем – им бы еще подселить Френкеля.

– Ну это-то зачем? – удивился я. Злодейства, вменяемые Френкелю, несоизмеримы с уровнем его виртуальных сокамерников.

– А чтоб им веселей было.

И то сказать: все веселей сидеть в камере с банкиром, чем позировать с виселицы американским видеоаппарату.

И эти люди учат нас ковыряться в носу!

Думаю, у вас не возникло впечатления, что я только «Завтра» и читаю. Я читаю много всего разного, от «Завтра» до... что у нас там на другом краю спектра? – «Exile», московской газеты американских экспатов. Яркие и образные отчеты ав-

торов о походах к проституткам, которые там публикуются, войдут в золотой фонд международной журналистики.

Но вот беда: и «Exile» перешел на нечитаемый шрифт! Видите, не зря говорят, что крайности сходятся. Я написал главному редактору Марку Эймсу письмо с просьбой принять меры.

Ответа пока нет...

Да что ж за напасть такая!

Привет моим бывшим Татьянам

25 января 2007 г., 15:17

В детском саду я познакомился с дымчатой блондинкой Таней Котовой, и эта страсть, как часто бывает в платонических случаях, была наполнена грустными переживаниями. Таня полностью вытеснила из моего сердца девочку N., имени которой я тут не упоминаю, чтоб не смутить нравственность ее детей и внуков, — ведь еще живы люди, помнящие ее удивительное свойство: она умела п#сать стоя и многократно делала это в присутствии восторженных зрителей, к неудовольствию и зависти других девочек, которые делали это как все. Наверное, я ее полюбил за талант, который проявился в такой странной форме; ну да талант — он во всем талант. Но расстались мы с ней по причине Тани Котовой, которая только и умела, что улыбаться со смешанным выражением жалости и счастья, — но зато она была первым человеком, за-

ставившим меня волноваться в Татьянин день так, будто это имя особенное. Хотя, может, так оно и есть. Я припоминаю еще и после нее других Татьян, одна краше другой, и иные из них серьезно отличились в деле произведения на меня глубокого впечатления.

Все помнят байку про Ломоносова, основавшего первый в России университет в 1755, что ли, году. На самом деле он не столько основатель, сколько один из инициаторов. Провел же идею граф Шувалов, который был чем-то вроде руководителя администрации президента. Имея доступ к телу императрицы, Елизаветы – чтоб не соврать, – он и убедил ту сделать доброе дело. А отчего ж студенты считают Татьянин день своим праздником? Да оттого, что Шувалов приурочил перерезание ленточки на открытии заведения к именинам своей любимой матери, которую как раз и звали Татьяной. Так что Шувалов больше отличился в деле университетизации всея Руси, но в эпоху исторического материализма на щит подняли вместо графа простого холмогорского мужика Михайлу Ломоносова, пришедшего в наши края с рыбным обюзом; приблизительно из тех же краев, с того же направления идет к нам сегодня норвежская семга. Ломоносов же, думаю, сделал вклад в традицию студенческого хулиганства в этот праздник; уж он-то хорошо знал, как следует куролесить в студенческие торжества. Он, когда учился в германских университетах, серьезно пил и гулял вплоть до драк с полицией.

Я так путано и с сомнениями насчет Елизаветы потому,

что в науках не силен. Даром что и кончил тот самый университет. И был не на последнем счету. Однако ж беда в том, что знания у нас на журфаке в те времена давались специфические. Взяв на себя однажды труд пересчитать все дисциплины, перечисленные в приложенном к диплому листке, я с удивлением обнаружил, что ровно половина из них – лженауки! Истмат, диамат, критика буржуазных теорий развития общества, научный атеизм, анализ экономики социалистических предприятий и сама политэкономия социализма, история большевистской, и партийной, и советской печати, гадание на бараньих кишках, астрология и алхимия. Хотя, честно говоря, про три последних лженауки я приврал в полемическом задоре для красного словца. Таким образом, половину изученных мной наук можно смело вычеркнуть из моего актива. Я фактически не весь университет закончил, а половину, как будто меня выгнали с третьего курса, после зимней сессии – вот как сейчас, аккуратно под Татьянин день.

Который мы тогда, в конце 70-х, и вовсе не отмечали. У нас был другой какой-то праздник – День журналистского студента, что ли. И отмечался он осенью – в сентябре, кажется. В тот торжественный день первый курс, а вслед за ним и все остальные, шел колонной через Моховую и Александровский сад на Красную площадь – и без очереди заводился в Мавзолей; а что вы хотите, идеологический же факультет! (У меня в голове до сих пор крутятся отрывки фраз из заметок Маркса в «Новой Рейнской газете», которые мы

чуть не наизусть зубрили. Вместо того чтоб изучать свойства реальной журналистики, которые потом пришлось контрабандой почерпывать из заокеанских книжек News Reporting and Writing и Responsible Reporter. Заодно уж покритикую задним числом и Мавзолей. Ну как можно было назвать таким громким и ко многому обязывающим словом эту жалкую мрачную нашу пирамидку – после того как миру уже тыщи лет был известен роскошный индийский Тадж-Махал, выстроенный из белого мрамора!)

А после Красной площади студентов заводили в ДК гуманитарных факультетов, где было пиво и концерт. До пива журналистов редко допускали, это и так народ весьма пьющий, и за пивом мы ходили в столовую Консерватории: музыканты против нас так просто трезвенники. Кстати, про пиво – вот что считалось предметом роскоши. В какие ж мы жили убогие времена... И вот в том ДК дым стоял коромыслом до ночи – пьянство, танцы, прелюдия к разврату и все такое прочее.

А сейчас этого ДК не существует. И никакой ностальгии. Ибо здание вернули настоящему хозяину: там теперь, как и до 1917 года, располагается храм Святой Татьяны. Который там всегда и был, пока красные рейдеры не прибрали его к рукам. О как... Это все случилось, кажется, в 1994 году, которым и датированы почти все переименования в Москве. Я долго думал – отчего именно 94-й? Потом сообразил: раньше было просто некогда: делили собственность и власть, –

а как расстреляли оппозицию в октябре 93-го, отгуляли Новый год, начали восстанавливать и такую вот гуманитарную бескорыстную справедливость.

Тогда же, в декабре 1994-го, был учрежден и Клуб выпускников МГУ им. Св. Татьяны. Как сейчас помню, банкет по случаю этого учреждения происходил в ресторане при Даниловском монастыре. Главными застрельщиками были журналисты, которые, пошумев, куда-то делись, и власть в клубе захватили более приземленные и корыстные экономисты, которые сразу переориентировали клуб с элегической ностальгичности на практическую пользу – чтоб помогать друг другу устраиваться на работу, к примеру.

– А помнишь такого щуплого интеллигента в очочках, он там активно суетился? Ну, экономист такой?

– Ну... Смутно припоминаю... – Хотя мало ли очкариков среди бывших студентов, посадивших глаза на чтении выданного на одну ночь самиздата.

– Так это же Френкель и был! Тот самый!

Человек, который мне про это напомнил, просил не называть его имени и сообщил, что никаких отношений с Френкелем не поддерживает уже по меньшей мере семь лет. Ровно с того банкета. Сколько ж воды утекло за это время! Сколько всего изменилось за это время в стране! Иной раз даже удивляешься: да та ли это страна? Может, какая-то другая уже?

Другая страна

8 февраля 2007 г., 18:03

В Чите идут новые разборки по ЮКОСу, думал я, проходя на днях мимо славного особнячка в Колпачном переулке. В старые времена там красиво жили московские комсомольцы, а после – Ходорковский и его люди. Я с легкой ностальгией вспоминаю, какие замечательные вечера любителей документального кино проходили в этом здании. И кино, и вина, и закуски, и мини-пирожки, и икра – все в этом особняке на этих мероприятиях было прекрасно. Но все это прошло, как и все проходит. Такая уж судьба у ЮКОСа!

На самом же деле, чтоб потерять богатую собственность, образовавшуюся у тебя внезапно, в пятилетку, не обязательно ссориться с президентом. Один мой знакомый тоже потерял особняк в каком-то из соседних переулков, и это тоже не был кооператив, на который он копил 30 лет, экономя на вставлении утерянных от нехватки витаминов в воркутинских шахтах зубах, – особняк ему как-то так достался, сам собой, то есть, пардон, в результате мучительного перекладывания бумажек из одной папки в другую и утомительного перемещения денег из сейфа в сейф. Нимало не увлекаясь политикой – чего, правда, нельзя сказать об оптимизации налогов, это ему было в какой-то период жизни интересно, – он этот особнячок по пьянке проиграл в карты. Настолько

стремительно, что там ни одного фуршета не успело пройти.

Судьба, да. Один из моих знакомых бизнесменов чуть раньше 2003 года рассказал мне драматическую историю про то, как в начале 90-х его звали войти в новый бизнес. Необычайно выгодный. Надо было внести совершенно безумную, астрономическую сумму, чуть ли не 50 тысяч долларов, сказал бизнесмен, которого мы тут назовем N., поскольку он человек слишком известный.

– У меня столько нет, – ответил знакомый.

– Идиот, столько ни у кого нет.

– А где ж взять?

– Надо продать квартиру, дачу и еще назанимать.

– А если это все лопнет?

– Ну, придут бандиты и замочат тебя и твою семью. Но зато если все получится, мы станем миллионерами. Игра стоит свеч!

Там речь шла про скупку ваучеров. Чтоб потом на них закупить нефтянки. Мой знакомый назвал N. идиотом, потому что только идиоты играют с государством в бумажки. Оно поиграет, поиграет, а потом все заберет, примитивно рассуждал он. Историю эту мой знакомый рассказывал с грустью, которая вот откуда взялась: тот N. таки закупил ваучеров и конвертировал их в нефтянку с другими ребятами, стал миллионером, как мечталось, а с прибыли быстро и легко раздал все свои долги и закупил себе квартир немерено вза-

мен старых, заложенных и перепроданных.

– Вот, – рассказывал знакомый, – человек рискнул и выиграл. А я зассал тогда – и вот все еще вожусь со своими ларьками (на самом деле это не очень ларьки, а такие вполне себе фирмочки). А у меня было даже больше ларьков, чем у Н., на старте-то... Так что каждый из нас получил то, чего заслуживал.

Надо сказать, что через какое-то время у моего знакомого тоже скопилась астрономическая сумма не то что в пятьдесят, а даже и вовсе тыщ в сто. С ней он и уехал на Запад жить, понимая это все так, что до конца жизни хватит, – предоставив Н. обустраивать Россию. Но довольно часто мой знакомый появлялся в Москве, в своей старой квартире. Он в какой-то момент стал мотаться так часто, что с утра, особенно с похмелья, не сразу соображал, в какой стране проснулся.

И вот он придумал выглядывать в окно, чтоб определиться в пространстве. Если дело было в Москве, то перед его глазами горели здоровенные неоновые буквы: «РОССИЯ». А если не горели, то это был Запад, зарубеж. Все просто в этой жизни.

А потом жизнь пошла как-то так, что Н. из простого миллионера сделался беглым миллиардером, которому снятся кошмары про экстрадицию. А мой знакомый вернулся на ПМЖ в Россию и неплохо себя здесь чувствует. Если он и теперь еще завидует олигархам, то далеко не всем, не всем, увы... Но у него появилась небольшая проблема – ну не

краснокаменского уровня, а иного. Проблема такая: снесли гостиницу «РОССИЯ», ту самую, на крыше которой горели огненные буквы, видные из квартирных окон. И теперь мой знакомый, тупо глядя с похмелья или просто с перепоя в окно, за которым темнота, иногда думает, что проснулся в другой стране. В какой-то другой стране...

А в остальном у него все в жизни хорошо.

Пенсии + проституция = счастье

15 февраля 2007 г., 16:39

Иногда ответы на злободневные вопросы, которые жизнь ставит перед каким-нибудь Зурабовым, лежат в неожиданной и удивительной плоскости. Там, где никто их и искать-то не додумается.

Один мой товарищ – не будем тут называть его имени, он достаточно известен в кругах творческой интеллигенции – на днях отдыхал по экономическому разряду. Деньги у него есть, но он решил предаться похвальной экономии и вообще выйти в народ наподобие Гаруна-аль-Рашида (внимание! Это не имя очередного ваххабита, а сказочный персонаж типа царя). Надо ж знать, как живут простые люди.

И вот он поехал в трущобы Отрадного, был у него один адресок, почерпнутый из молодежной газеты, – ничего дешевле в тот вечер на рынок не выставлялось. Ну попетлял он по улицам и переулкам, объезжая самовольные «ракушки» и

гопников, кучкующихся по три, нашел дом, поднялся наверх в лифте, прихотливо декорированном свастиками и слоганами про хачей, позвонил в дверь... Которая сразу открылась, а за ней – голая девица в ажурных чулках с подвязками и все такое. Но это все ерунда. Товарища потрясла квартира! Таких публичных домов он еще не видел. Там были книжные шкафы со старыми огоньковскими собраниями сочинений, был академический Пушкин, такой голубенький, без второго тома (в котором про царя Никиту и его 40 дочерей), и на стене в тяжелой раме репродукция Брюллова – дама на лошади; надо же. В одной из комнат был накрытый полотняной скатертью стол. Ну как-то так бедненько, но чистенько. В общем, настроение с самого начала создалось позитивное.

Ну, слово за слово, ближе к телу. К телам то есть, там еще из совмещенного санузла вышла вторая сотрудница заведения, ну и пошло-поехало, по заведенной схеме, рутина, ничего интересного. В перерыве клиенту предложили чаю; он пил его из тонкостенного стакана в старинном почерневшем серебряном подстаканнике и еще раз с удовлетворением обращал внимание на дизайн публичного дома. И в это время в прихожей робко тренькнул электрзвонок. Товарищ мой встревожился. Вот ограбят его сейчас сутенеры и хорошо еще из окна не выкинут, погнался, идиот, за дешевизной! Хотя, уговаривал он себя, может, это другой клиент перепутал время...

Оказалось – ни то ни другое. Когда дверь открыли, в квар-

тиру бочком зашли двое старичков, он и она. С лица они оба были как печеные яблоки. На нем старинное драповое пальто и диагональный коричневый костюм с засаленным воротником, на ней – зимнее пальто с лисой, застреленной при жизни Сталина, желтое вельветовое платье с черным узором и шляпка, в какой блистала еще Мэри Пикфорд.

Товарищ, приняв гостей за оригинальных извращенцев (которые от склероза перепутали время визита), задумался о том, что и он тоже, уйдя на пенсию, будет брать жену, идя к девкам, а чего дурака валять, к старости наступает лишенная иллюзий ясность (либо, конечно, маразм, как повезет). И опять он не угадал: старички были хозяевами квартиры! Они сдавали ее девицам на почасовой основе, пополняя свой семейный бюджет весьма и весьма существенно – за два часа они зарабатывали, конечно, меньше, чем Зурабов тратит на носки, но больше, чем тот же Зурабов им платит в месяц. И все довольны! Эти шлюхи были, в сущности, тимуровцами или тимуровками (если кто еще помнит книжку деда теперешнего Гайдара). Они совершали подвиги человеколюбия и так, и этак, откуда ни глянь.

Гость заторопился, все-таки неловко вышло. Но интеллигентные старички заволновались и наперебой стали извиняться, что вот так вломились, и просили мужчину продолжать отдых, а они будут сидеть на кухне тихо, как мышки.

Он все-таки уехал и в пути долго еще думал о симпатичных людях – причем каждый и каждая были симпатичны на

свой манер, – с которыми его свела судьба в тот вечер. И радовался за людей, к которым пришла обеспеченная старость. Спасение утопающих – дело известно чьих рук! Вот оно, живое творчество масс! Семейный подряд и хозрасчет в одном флаконе, и все такое в том же духе; это было модно 20 лет назад.

Но все-таки как-то немножко это криминально, конечно; эту территорию, где происходит встреча поколений и передача эстафеты (а поколений было три: девки годились ему в дочери, а дед с бабкой – вполне в родители), злые люди могли по ошибке принять за притон и это, того... Ст. 241 УК РФ «Организация или содержание притонов для занятий проституцией», до пяти лет. Оно, конечно, на всем готовом, и накормят, и спать уложат, – но как-то уж слишком радикально...

Так что же, как говорится, делать?

А выход тут простой и единственно верный: принять некий новый закон о пенсиях, во первых строках которого легализовать проституцию. Люди получают не только сытую старость, но еще и спать будут спокойно.

И это будет куда изящней и красивей, чем бездумная отмена накопительной части пенсии.

Уважайте трупы устриц

22 февраля 2007 г.

Выходя из дому в двадцатиградусный мороз, я с удовлетворением вспомнил одну свою поездку по солнечной Франции, в ходе которой я приблизительно на полдороге своего довольно длинного путешествия из Ниццы в Лурд забрался в деревню Saint Dalmas. Дело было, правда, летом, но местные краеведы мне очень завлекательно рассказывали о том, как у них в деревне в старину был организован зимний быт. А зима в тех краях выдается и выдавалась прежде не та, что на Лазурке, где приходится на прогулку выходить в пиджачке. Но настоящая, до минус 30 градусов. Как мы любим. И вот когда так ударял мороз, рассказывали мне местные краеведы, и кто-то из жителей умирал, то не было дураков копать покойнику могилу. Какой смысл долбить могилу в промерзлой земле, когда это удобней сделать в ноль градусов?

«А что ж с телами делать?» – спросит простодушный российский читатель, воспитанный в советское время в том духе, что надо все бросить и идти преодолевать трудности, причем в самое неподходящее время. Если же трудностей нет, иди себе их создай, учила нас партия. К примеру, хочется тебе выпить – а ты специально не пей. А чтоб и другим неповадно было, организуй какую-нибудь идиотскую антиалкогольную кампанию... Потом все брось и иди гони самогон. Ну и так далее.

О, если б мы могли соизмерять силы с задачей, если б могли грамотно расходовать силы! Мы б горы свернули! (Хотя мы и так столько всего свернули, что иной раз думаешь: луч-

ше б сидели и тихо пили пиво.)

Так вот французские крестьяне, чтоб вы знали, воспитывались без участия КПСС. Но основы физики знали и понимали, что трупы при минус 30 прекрасно сохраняются сколько угодно долго. Потому их спокойно складировали в особом сарае и бережно там хранили. А ближе к весне погребали с соблюдением всех формальностей и скорбей. Вот он, прагматизм, вот здравый смысл, на фундаменте которого построена уютная западная цивилизация!

А у нас зимой пытаются жить, как будто кругом лето... Зачем, почему? Удастся ли это как-то переменить? Есть ли на это какая-то надежда? Думая об этом, я со вниманием осматривал встречаемых прохожих и отмечал, что каждый второй без шапки, а каждый третий в легкой курточке, в которой впору сидеть за выставленным на набережную Круазетт столиком кафе и медленно пить кальвадос... А не бежать по морозной Москве с отмороженными яйцами, которые звенят, стучаясь друг о друга.

Наполеоновские солдаты бежали из зимней Москвы с чувством того, что свершается справедливость и делать им в России с ее повсеместными морозами нечего. Что у них во Франции экзотика, забава для туристов, мечтающих о снежном покрове, то у нас унылая бескрайняя реальность. Французы бежали от Кутузова не только как от великого полководца, но как от мудреца, который им объяснил, как надо жить и, главное, – где. И вообще кому.

И вот на таком морозном белоснежном московском фоне меня позвали на дегустацию устриц. Дело благородное, на дворе же пост, а устрица – они ни рыба, ни мясо, а как-то так. Но я под благовидным предлогом не пошел. Меня в Москве утомляет процесс употребления в пищу устриц! Половина из них обычно дохлые. А то две из трех. Вот этот процесс, когда открываешь их одну за другой и каждый раз слегка волнуешься – ну-ка, ну-ка! Нет – снова труп... Нет бы его отправить в деревню Saint Dalmas, в мертвецкую, до весны – так нам шлют. Народ у нас крепкий, не то переживали. И жрут у нас, в четырех часах полета от теплых морей, дохлых устриц по четыре евро за трупик за милую душу, даже в пафосных заведениях. Хороший бизнес, если вдуматься. Круговорот веществ в природе...

Сказать, чтоб люди кругом мерли, объевшись несвежими устрицами, – не скажу, это было б преувеличением. Всех отравленных откачивают. Некоторые даже к врачам не обращаются! А зачем? Ну полежал денек на диване, поблевал, подристался, а там встал и пошел себе дальше жить, работать и учиться. Банальное пищевое отравление. С одним таким человеком я после его чудесного выздоровления деликатно беседовал, пытаюсь не травмировать психику пострадавшего.

– И что, – спрашиваю, – они все были живые, и ты все равно отравился?

– Живые? Они что, должны быть живые?

– Гм...

– А как же узнать, как их отличить? Просто роман «Живые и мертвые»!

– Ну, они шевелились, когда ты лимон на них выдавливал?

– А что, надо? И они должны шевелиться?

И этот человек, который отравилсядохлыми устрицами, смеялся над русским народом, который прошлым летом массово жрал ядовитые грибы! Зря смеялся, он такой же, как мы, он точно так же, как простой русский человек, создает себе трудности и после преодолевает их. Он просто больше за это платит. Устрицы с сабли несколько дороже водки с солеными грибами...

Я знаю, где будет новая столица

1 марта 2007 г., 18:02

Вот настала весна, и опять пора браться за старое: пешие прогулки по Москве. Хотя, конечно, на самом деле это вторая весна, первая была у нас не далее как в декабре с его +10 в тени.

За зиму кое-что забылось, и теперь это приходится освежать в памяти. К примеру, что пройти Бульварное кольцо, то есть не совсем кольцо, но подкову, которая снизу замкнута набережными, можно ровным шагом за 2 часа 10 минут. Хотя, конечно, на самом деле это не самый лучший маршрут

– наши набережные в отличие от каких-нибудь парижских весьма скучны да к тому же отравлены выхлопными газами. Если уж идти, так снова по Садовому, на что потребуется 3 часа 5 минут. Вот такова была совсем недавно окрестность Москвы – идеальный размер, город насквозь можно пройти за час! Я много раз пробовал. Люди перестали б толпиться в метро, и давиться в трамваях, и ненавидеть весь мир в пробках, а просто прогуливались бы лениво, если вдруг какая надобность. По сути, Москва могла стать... могла остаться идеальным городом.

Но нет! Настало время, и алчные москвичи коварно захватили соседние деревни и снесли их под корень, заменив индивидуальные деревянные постройки хрущевками, которые теперь, в свою очередь, тоже сносятся, – круговорот вещей в природе.

Не хватает у нас интеллектуального порыва наконец оставить в покое многострадальные Питер с Москвой, города-музеи, которые кроются и перекраиваются по образцу тришкиного кафтана, и построить наконец нормальную современную столицу. Как это сделали бразильцы, которые давно уже построили себе Бразилиа-Сити посреди бывшей пустой степи. Было где развернуться архитекторам-экспериментаторам. При том что проще было снести колониальные старинные кварталы Рио-де-Жанейро и наставить там ебатурин, как у нас. При том что у нас денег навалом в стабфонде! Строй себе обстройся!

Нет, все руки не доходят...

Это все оттого, что у decision maker'ов ноги до Москвы не доходят. Они не знают, как живет город! Что, к примеру, светофоры у нас настроены на удивительный ритм. Вот горит зеленый, вот он замигал, вроде переходит себе улицу! Нет – вот сразу красный, бери не хочу, и помчали жестяные кони. Прохожие толпятся на островке по-сиротски...

Одна радость пешеходу – идти по городу ранним воскресным утром, когда народ спит. Город в эти часы свеж и чист, спокоен, красив и даже, кажется, психически здоров. Таким его хочется запомнить и нести светлый образ в своем сердце.

Для людей, желающих мести и кровожадности, нет ничего лучше, как идти по центру, по тому же самому Садовому, в час пик. Пешеход движется в такой ситуации быстрее транспортного потока. Идешь и обгоняешь замечательные дорогие автомобили. Мне даже неловко в такой ситуации, это как-то нечестно. Хотя, с другой стороны, кто им мешает бросить машины и ударить пешим пробегом по пробкам?

Итак, проехать по городу практически нельзя, ходить тоже, скажу вам, опасно – ведь пешеходные зебры у нас условные, они только для любителей экстрима. Полгорода превращено в строительные площадки и котлованы. Улицы одна за другой проваливаются куда-то в тартарары. Тут и там достраиваются небоскребы, куда очень скоро въедут новые жилыцы, которые на своих машинах будут пытаться выбраться из подземных гаражей на дороги, чтоб там занять свое ме-

сто в пробках... Теплотрассы полопаются от перепадов давления, лифты остановятся от веерных отключений. И т. д. Конечно, другого варианта, кроме как строительство нового города, – нет. И эту мысль подтверждает Лужков. Он лихорадочно пытается выжать последние соки из измученного города, в котором снесено, и перестроено, и поднято на сказочную – в ценовом измерении – высоту все, что можно. Ну а что вы хотите, у человека последний срок. Кому нужна будет старая музейная Москва, после того как космическими темпами пойдет строительство новой столицы?

Место, кстати, уже выбрано. Не все про него знают. Не многим известны имена счастливиц, которые станут миллиардерами почище Батуриной, – тех, кто скупил пустыри по 15 копеек за сотку и ждет своего часа, чтоб распродавать их желающим по 100 000 долларов. Вы пока можете только фантазировать по поводу координат этого поля чудес, тыкать пальцем в карту страны. Урал? Далековато. Сочи? Ну как-то слишком. Звенигород? Нет смысла, сольется с Москвой очень быстро. Находка? Слишком креативно. О! Бологое! Ни туда ни сюда, а до обеих столиц рукой подать!

Не гадайте. Все зря. Я вам не скажу. Я б, правда, поделился, но просто меня очень просили этого не делать.

Узнаете в свое время! И не надо завидовать. Вы будете туда к нам приезжать, в наш уютный современный город. Да и вам лучше: как тихо и легко вам будет жить в опустевшей Москве. В ней всегда будет стоять как бы раннее воскресное

утро.

Разве это не счастье?

Чисто моральное убийство

9 марта 2007 г., 10:45

«Трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете». Точка ру. Это ровно про меня. Насчет не спать – почти буквально, Jet lag за три дня, которые я провел в Нью-Йорке, далеко не у всех преодолевается, а то, что по Манхэттену я перемещался в основном пешком, тоже правда. И вот буквально вчера по пути из столицы мира в столицу РФ я в аэропорту Кеннеди залез в Интернет и узнал новость: оказывается, я собирался лететь из дешевого города в дорогой. Если б я был коренной москвич (или б находился на иждивении у дочки миллионера), я б, может, этим гордился, а так – нет. Наконец-то посчитали и признались! Меня взволновала и даже возмутила эта разница в ценах. Подтверждений тому куча, кстати. Я ехал в тот же аэропорт на такси, которое что туда, что обратно стоит жестко 45 долларов. Попробуйте добраться от Второго Шереметьева до центра Москвы так, чтоб с вас слупили меньше. А два дня назад я проехал по Манхэттену за четыре доллара, заплатив строго по счетчику. Два пятьдесят минимальная плата, ну и полтора доллара набило за 10 кварталов. При том что у нас в такси 300 рублей просто так берут, для знакомства. По-

чему так? Может кто-то объяснить? При том что на нашу, русскую, среднюю зарплату средний американец может, ни в чем себе не отказывая, спокойно жить пару-тройку дней...

...Вот странно, что в праздничный и светлый, казалось бы, день 8 Марта с раннего утра так и полезли в голову мысли о деньгах. И никого из читателей это не удивило. Мне, конечно, повезло, что подарками я затарился в дешевом городе, а вручать их полетел в дорогой, вот ведь удача. Тем более что, к счастью, в Нью-Йорке никто про праздник 8 Марта не слышал – ни тебе ажиотажа, ни очередей, всем на это плевать, за что американцам отдельное спасибо.

Женщины на самом деле сильно связаны с деньгами, я здесь остаюсь в рамках приличий и имею в виду исключительно чистые бескорыстные отношения: один мой знакомый придумал теорию, по которой в голубизну уходят из желания убежать от ответственности за другого человека. Если ты замкнут на женский пол, так тут кругом траты: на дискотеку ли и рестораны, на проституток или, как у нас, приличных людей, на содержание семьи с детьми. А с мальчиками – познакомился, полюбил-полюбил и разбежался, привет. Кругом экономия. Теория остроумная, да, но это не мешает мне сейчас вернуться к абсолютно бескорыстным отношениям полов. Которые тем не менее, так или иначе, требуют определенных расходов. В смутные годы, когда чекисты сидели тихо и стеснялись своего ремесла, говорили, что в контору попали чисто случайно и давно уже завязали (труд-

но сейчас поверить, что такое было возможно!), один мой товарищ ухаживал за девушкой. Дело так вроде простое, но была проблема: она жила в Москве, а он-то в Париже. С такого расстояния представлялось затруднительным подкидывать дрова в костер любви. А тут как раз 8 Марта. Товарищ был в курсе, что русские без ума от этого праздника, придуманного какой-то левой немкой. И вот он мне звонит с просьбой вручить ей такие цветы, чтоб они ее морально убили. Я расстарался и поехал к ней с объемистым букетом тяжелых аристократических роз каждая длиной 1 метр 30 сантиметров. Кто помнит те времена, когда в праздники на углу Горького и Маркса бабушки торговали с рук шпротами и шампанским, тот поймет, какие мной были предприняты усилия.

И вот я прибыл. Когда она открыла дверь и я увидел ее глаза, в которых возникла вдруг мука оттого, что это не он стоит тут с этой красотой, а всего лишь я, стало ясно, что убийство (моральное) совершено. А где же обычный легкий цинизм, где шуточки, хиханьки и хаханьки? У нее в глазах стояли сверкающие слезы. Она с минуту стояла как дура.

– Но ведь в Москве не бывает таких цветов... – прошептала она наконец.

Она первая начала, я не хотел! Так что мне уже ничего не оставалось, как сказать, что я только что из Второго Шереметьева, я встречал там переданные самолетом эти иностранные розы, а после мчался с ними по дороге смерти (та-

кое название раньше было у МКАД). Она только молча качала головой. В общем, все было решено в тот момент.

У них уже довольно большой мальчик. Любит меня со страшной силой. Чувствует, наверно, какую услугу оказал ему дядя Игорь.

А она, кстати, до сих пор не в курсе. Да и зачем ей? Вы еще от меня потребуйте, чтоб ее сыну я все объяснил насчет Санта-Клауса... Что касается меня, то я тогда, да, наврал. Но я в тот момент был не репортер, а частное лицо, и имел полное право. Любовь – это же не журналистика, а война. А, как известно, *a la guerre comme a la guerre*.

Ленин-Большой-Калужский, как вас теперь называть?

15 марта 2007 г., 18:35

Только пошел разговор про новые переименования – и как-то заглох. Это нехорошо. Нельзя останавливаться на полдороге. Как это сделано, например, с бедным бывшим Новокировским проспектом, половину которого называли Академиком Сахаровым, а вторую половину Машей Порываевой. Где Маша, там солидные учреждения вешают на дом лживую надпись «ул. Каланчевская», которая на самом деле за углом и располагается строго перпендикулярно. Причем озадачивает то, что улица Сахарова-Порываевой очень короткая, на ней столько всего понатыкано. А что может слу-

читься с длинной улицей?

Идею с переименованиями никак нельзя бросать. Но с чего начать?

Может быть, с упразднения двойных названий? Мне очень нравится, что у нас есть две станции «Арбатская» и две «Смоленские». Причем одна пара располагается на си-ней линии метро, а другая – на голубой. «Встретимся на «Арбатской»...» Какой именно? Надо долго объяснять... Ивану Сусанину было б где развернуться, подвернись ему тут коварные поляки...

Порешав вопросы с двойными названиями, переходим к следующему пункту: это наколки. Типа Рязанский переулок хорошо бы от метро «Комсомольская» перебросить поближе к Рязанскому проспекту. А улицу Большая Спасская – к Спасской, к примеру, башне.

Что-то надо делать с Комсомольской площадью и одно-именным проспектом, которые раскинулись в разных концах города. Может, их надо приблизить друг к другу, чтоб на-ивный путешественник не терялся на улицах столицы? Или, допустим, переименовать хором. Что такое комсомол, зачем он, почему его посмертно увековечивают, будто это Кады-ров? Улица, имени которого тоже, кстати, благополучно об-разовалась в Москве вопреки федеральному закону.

Что у нас там дальше в повестке дня? Названия, основан-ные на кличках. К примеру, Ленинский и Ленинградский проспекты. Тут легко себе представить улицу Кобы напри-

мер. А то и вовсе Усатого. Или, не к ночи будь сказано, площадь Лужка. А также авеню Елкина. Бульвар Горбача. Или улицу Брежнева переименовать в Ильича... не, Ильича уже есть площадь, то есть эта кличка занята. А Брежнев увековечен ли? Это можно сделать так: Ленинградский, который славится своими беспримерными пробками, переименовать в проспект Застоя. Или, оставив Ленинский проспект, тот же самый Ленинградский переименовать в проспект Старика – была же у Ульянова и такая кличка. Или писать: Ленинский, он же Ульянова, он же Старика, он же рабочего Иванова проспект, и фотки анфас и профиль. Разыскивается... Как найти площадь Ильича? Надо длину Ильича помножить на ширину Ильича...

Нет, Ленинский проспект нельзя переименовать в Ульянова при всем желании. Потому что тогда будет допущена непростительная несправедливость – это ж всегда, то есть до исторического материализма, была Большая Калужская. О которой косвенно, молчаливо напоминает близлежащая Малая Калужская.

А еще хорошо бы придумать какие-то клички для станций «ВДНХ» и «Библиотека им. Ленина». Нету уж Выставки всесоюзной, и Союза нету, и достижения позабылись и поблекли.

Кстати, «Ленина» – это что такое? Что за Лена такая? Если уж на то пошло, то почему тогда не Елена? Хотя, может, эта таинственная Лена – какая-то подруга Маши (Порыва-

вой), в девичестве Новокировской, она же Сахарова?

Не обзывайте художника гением

23 марта 2007 г., 15:44

Конечно, вы думаете, что шлепать по клавишам – легкая безобидная забава. Писатель, типа, пописывает, а читатель как бы почитывает. Ваша наивность меня умиляет. Как слово наше отзовется, поди еще угадай.

Вот, пожалуйста, вам такая история. Десять – нет, уже одиннадцать лет назад я поссорился с крупным художником узбекского происхождения. И стоял на пороге серьезных проблем. Влияние моего знакомого в некоторых кругах было куда значительней, чем его на тот момент слава в кругах, скупающих искусство. Более того, он ведь мог закинуть насчет меня послание в вечность, как это у них водится! И там бы про меня знали, что большие художники – против меня. А больше не знали бы ничего.

И в чем же была причина нашей ссоры? Может быть, я написал, что он не умеет рисовать? Или что он бездарен? Ворует идеи? Торгует обоями, выдавая их за произведения искусства? Тиражирует коммерческие сладкие картинки, которые разлетаются в западных галереях как пирожки, с триединым «конь – баба – цветы»? Я перечислил волнующие меня темы, и вы сразу догадались, что я весь погружен в современное искусство и оно мне не чужое. Насмотрелся я на

разные поделки. Сперва сам – по наитию, по случаю, – а после нашел себе эксперта по этому делу. Вернее, он сам нашелся. Мой товарищ и собутыльник Игорь Метелицын, одесский поэт из Америки, уехавший туда по израильской визе в момент падения Берлинской стены, сменил масть. Внезапно. Вот только что мы сидели пили водку и он рассказывал мне про то, как строил Зейскую ГЭС на вечной мерзлоте и сочинял там у костра песни про таежную романтику, а также излагал сухую статистику технических нокаутов на Дерибасовской и Брайтон-бич (он боксер)... И вдруг через три дня мы пьем пиво, и он роняет фразу: «Я, как профессиональный арт-дилер...» Я заволновался, что-то похожее раньше уже бывало с моими собутыльниками, мы теряли таких людей! Но Игорь натурально достал из портфеля какие-то альбомы, пачку с акварелями и два сантиметра соток, перетянутых резинкой: мы пропивали в тот момент не что иное, как выручку с проданных картин. Я понял, что разговор пошел предметный. Позавтракав, он из Измайлова поехал вселяться в «Метрополь», ему стало по рангу. Человек поднялся. Я помог ему перевезти туда на трамвае чемодан. Ехали молча от торжественности момента.

И вот с тех пор сколько-то лет мы ведем дискуссии с Метелицыным не о различиях между Пастернаком и Мандельштамом (сколько раз он влезал в кулачные бои на почве тонкостей поэтики – к счастью, не со мной!), но про буржуазное искусство. Когда он хвалил какого-то хорошо продающегося

автора, я осведомлялся:

– А может он нарисовать похоже?

У нас на шахте Бажанова это считалось серьезным аргументом. Метелицын смеялся и уверял меня, что хорошо рисовать – это вчерашний день. Мне стало ясно, что, живи Микеланджело в наши дни, ему, чтоб свести концы с концами, пришлось бы подрабатывать на дизайне пивных этикеток... Все эти бесконечные сладкие лошадки и цветочки – из наших дебатов. Типа, люди, видя такие умильные картинки, быстрее достают бумажник. Тема фотообоев – тоже из наших споров... Впервые я увидел их, кажется, на «полотнах» Джаспера Джонса, и дальше пошло-поехало.

– Хороший колер, – бормотал я со знанием дела, как человек, недавно переживший ремонт. – Интересно, они моющиеся?

Метелицын в ответ попрекал меня провинциальностью, будучи сам хоть не из Жмеринки, но все же из Одессы.

Хамдамов не из этой оперы. Он один из очень немногих живых художников, таких, может, три или четыре, которые способны вызвать во мне трепет, который один только и является, по мне, признаком настоящего искусства – а не хорошо продающиеся девки с кобылами. Я сам нашел его и с ним познакомился, и Метелицына познакомил, и сваял в журнал масштабное бумажное полотно про классика, в котором, чтоб долго не объяснять, объявил его классиком.

Тут-то наши дороги разошлись. Я же вроде похвалил. Мо-

жет, он обиделся за Леонардо и Веласкеса? Поди их знай, художников... Тонкие натуры.

Мы, значит, не виделись с классиком много лет, а Метелицын, напротив, с ним активно работал. И так синхронно они поднялись и перескочили на какой-то верхний уровень. То ли дилер такой удачливый, то ли у художника случайно начался расцвет? Какая разница. И вот Метелицын позвал меня в музей. На открытие выставки. Я почесал репу.

– Рустама не будет, – успокоил меня дилер. – Ты же знаешь, он не любит суеты и никуда не ходит.

Я сдался. Я пришел, и ходил, и смотрел. Людей было полно, от Церетели и знакомых генералов КГБ до старого Кончаловского и поэта Иртеньева. И картины тоже были. Я настолько вошел в образ знатока искусств, что даже ввязался в дискуссию с самим Юрием Любимовым, который стоял как раз у любимых мной картин.

– Хорошие царевны, – сказал я ему.

– Это ангелы.

– Да нет же, это из его серии «Царевны»!

– Но у них крылья.

– Гм. Мне просто ближе ранний Хамдамов... Когда он был воздушней...

– А мне весь нравится. Он для нашего театра работал. У него такая линия!

Линия? Надо запомнить, так, может, кстати будет где ляпнуть.

Я стал оглядываться: с кем бы поделиться? И тут ко мне подходит один лауреат премии «Триумф» и, указывая на одну из картин – не Хамдамова, – со смехом рассказал:

– Вот смотри, песочка серебряного подсыпали! Додумались...

Картина точно сверкала от серебра; гламурненько, как говорится. Добротный товар. Лауреат меж тем продолжал:

– Нет, идем со мной! Я покажу тебе настоящее искусство! – И потащил меня в соседний зал. – Раньше умели рисовать... Вот посмотри на этого великолепного Кончаловского! – сказал он, подведя меня к полотну Машкова. Там была голая дама – спасибо, что без коня и цветочков.

На выходе я столкнулся с... Хамдамовым. На его стороне была внезапность, но я надеялся продержаться хоть пару раундов. Однако маэстро улыбнулся и сказал:

– Смотрите же, больше не пишите про меня плохого!

Только очень требовательный художник может обидеться, когда его называют гением.

– Да никогда в жизни! Это было первый и последний раз... Всякий, кто назовет вас, Рустам, гением, будет иметь дело со мной.

Исаич про революцию

29 марта 2007 г.

Мои товарищи из «Российской газеты» прислали мне из-

данную ими брошюрку Исаича (это с уважением) «Размышления над Февральской революцией». Вот, через газету, объявляю им за это благодарность. Как говорил низвергнутый классик про креатив другого забытого классика, очень современная книга.

Я ее зачел, конечно. Сперва листал так, ностальгически больше, со стариковскими практически вздохами, вспоминая, как торопливо жег страницы «Архипелага» и таки успел, и в итоге при обыске у меня нашли совсем уж какие-то «детские» книги: смешно сказать, Бердяева и даже более того – Шестова, за какие возиться со мной и смысла не было. И теперь, пожалуйста, правительственная (!) газета вон что исполняет!

А дальше я стал въезжать в смысл. Солженицын весьма убедительно показал, что во всенародном порыве русские во главе с элитой развалили великую страну и отдали ее на поругание пьяным матросам с их «балтийским блевом» (из Бродского, что ли, цитата? Не помню точно), жадным до чужой, то бишь помещичьей, земли крестьянам, бандитам, которым лишь бы повеселиться на свежем воздухе, – а что, заманчиво: тут и экстрим, и пейнтбол, и барбекю. Дедушка Солж на все лады подсовывает нам мысль о том, что *та* элита была тупой, и бестолковой, и безответственной, и болтливой. А возьми они да отправь пару батальонов да хоть тех же юнкеров, и безоружные запасные полки, которые взбаламутили Питер, а за ним и всю страну – дезертиры разбежались

бы в страхе. И публика спокойно б дожидалась проведения разных там реформ типа энергетической и земельной, которых мы все ждем. В отличие от Грозного, набитого оружием и ваххабитскими деньгами, Питер тогда таки можно было взять силами двух десантных батальонов, как мечтал военный гений Грачев.

С преемственностью и с отречением в пользу кого-то – знакомые темки, щекочущие такие, а? – дедушка русской контрреволюции тоже разбирается досконально. Типа, Николай никак не мог отказаться от трона за своего сына, где ж это видна такая забота о законных правах несовершеннолетнего? С великими князьями тоже чехарда получилась. И глава нации бросил Ставку, а с ней и страну, и долг, и помчался в столицу спасать Семью (хотя, может, тут заглавную букву я от себя ернически добавил?), и, значит, хрен с ней, со страной, Семью б спасти... (Не к ночи будь сказано.) А может, надо было власть не отдавать никому, и послать оппонентов подальше, и загнать всех железной рукой к счастью? Веселый все же парень Солженицын – такие смелые шуточки выдает, что современность изо всех дыр лезет. Раньше с ним мог тягаться Жванецкий, который теперь сосредоточился на шутках вокруг жен второго поколения, появившихся у олигархов.

Иными словами, если я правильно понял Исаича, надо сперва навести порядок, а после уж решать, какие права давать широкой публике, и в каком порядке, и какими порци-

ями. А пока, значит, надо жесткой рукой и т. д., потому что все иное приведет нас к нехорошим результатам. И вот он ожидает от теперешней элиты, что она осмыслит уроки того февраля и возьмется за ум.

Я всегда любил Солженицына и считал его титаном мысли, и сейчас он чем не пророк. А пророк и должен жечь (глаголом), раз он серьезный аффтар. Но он же не наставник молодежи, чтоб отвечать за юных хулиганов, которым лишь бы делать гадости учителям и орать, что надоело делать уроки. Не вина Исаича, что эти уроки никто делать не собирается. «Никто» – это я про интеллектуальную элиту, которая у нас часто простодушна как крестьянская девушка. Она ведется на всякую ерунду и верит, что молодые люди ходят на танцы затем, чтоб найти себе невесту и сочетаться с ней законным браком, а не просто отдохнуть по пьянке субботним вечером, спустить пар.

«А что у нас с выборами, почему ж их практически нет уже?» – восклицают яйцелоговые. Выборы, шмыборы – кому они, на три буквы, сдались, кто ходит-то на них? Кроме пенсионеров и политтехнологов, и губернаторов и бизнесменов, которые знают, куда и кому занести бабки, чтоб правильно посчитали? Я вам это говорю с таким цинизмом и так грубо оттого, что имею моральное право, как старый диссидент, как «защитник демократии» в 91-м, и прочее в таком же духе. Лично я последний раз был – после долгого перерыва – на выборах в декабре 2003 года. И то, сказать по правде, больше

оттого, что среди людей, которые пытались провести в парламент старый СПС, были мои товарищи. На втором и третьем местах были такие причины, как мои правые взгляды и наличие в СПС такого удачливого менеджера, как Чубайс. Я пошел тогда на те выборы не потому, что верил в силу своего голоса, в то, что он ручейком вольется в реку народного волеизъявления, — я ж не гимназистка, чтоб рассказывать вам тут про прекрасноту. Пошел, чтоб сделать приятное товарищам, поддержать их морально. В победу я верил, но не в прямом смысле, а в том, что люди, которые считают голоса, разрешат СПС *взять* пять с хвостиком процентов голосов, чтоб пройти в парламент. И «Яблоку», думал, позволят то же самое. Подрисуют. Пусть себе будут в Думе...

Но ни тем ни другим не позволили. Это было жесткое решение, но понять механизм его принятия можно. Правые не смогли договориться даже между собой! Зачем тогда они людям и вовсе чужим? «Яблоко» сорвало тогда коалицию, а его поклонники и сегодня верят в какие-то оправдания. О, сколько сейчас перед моим мысленным взором прошло записных шестидесятников, семи- и восьмидесятников, которые считали, а может, и сейчас считают, Явлинского гуру правого дела! У них у всех пафосное выражение глаз, какое бывает у людей, которые сперва думают, корректно ли смеяться над шуткой, и только потом смеются. Или не смеются. Они всегда заглядывают в ответ в конце задачника, всегда знаешь наперед, кого они похвалят, кого поругают. Это

скучно, господа. Не исключаю: если б решение о допуске в Думу принимал я, Явлинского б не пустил, набери он не то что пять процентов, а все пять и одну десятую тогда...

Сегодня опять можно услышать разговоры о свободном волеизъявлении народа. Особенно они развлекли меня, когда Первый канал огласил итоги опроса населения, где выяснилось, что Дима Билан входит в пятерку самых популярных мужчин страны. Этот парень на выборах 2012 года сможет реально стать президентом. Серьезно.

Если такова воля народа, то я порадуюсь отмене всех и всяческих выборов. Уж лучше пусть г-н Билан поет свои песенки, от которых, говорят, пэтэушницы кончают.

Мы еще уроки декабря (2003) не выучили, куда ж нам за февраль (1917) хвататься. Спасибо, конечно, Александр Исaeвич, что вы нам льстите и подсовываете чтиво для отличников. Но мы-то отстающие. Надо смириться с тем, что мы двоечники. Когда-то, может, возьмемся за ум.

Но пока можно как-то скромней. Что, мало мы людей смешили?

Дембельский аккорд

5 апреля 2007 г.

Конечно, интересно, чем там все кончится и что в теперешней ситуации делать России.

Все про это пишут, и говорят, и орут, и ненавидят про-

тивников и оппонентов. Такое вовлечение, что литературно это очень красиво, люди себя проявляют ярко, как на сцене. Это деление на два непримиримых лагеря... Я как человек, имеющий на ситуацию объективный взгляд, чувствую себя в одиночестве. Даже поговорить не с кем. Есть, конечно, люди, которыми это все вообще по барабану, но вы понимаете, о чем я.

Объективность моя оттого, что я, чистый украинец, но с русским паспортом, съехал с исторической родины, еще когда она была в рамках СССР; трезубец и жовто-блакитный прапор случились в то время, когда я – опа! – внезапно оказался в эмиграции. Ну и потом, сам я с Донбасса, а там украинский язык никогда не был особо в ходу. Сам же я, сразу скажу, украинским владею и к Украине очень тепло отношусь, а к Киеву так особенно.

Я редко – на эту тему – приближаюсь к потере самообладания. Вот разве такой случай был, правда, в прошлую еще кампанию. Сидим мы в гостях, выпиваем, и тут выступил один гость – то ли еще журналист, то ли уже общественный деятель; масть его непросто определить. И вот он наехал на украинских патриотов – тех, что в Киеве; типа, они, мягко говоря, ненастоящие и тому подобное. Он при этом на меня покосился, опасаясь, что получит в глаз.

Я его, однако, всего лишь пожурил, упрекнув в бестолковости. И улыбнулся, вспомнив, как в прошлый раз он лез получить по башке, наезжая на одного нашего знакомого рус-

ского патриота, плюя в тот раз на великорусские ценности. Перед началом несостоявшейся драки он спросил оппонента: «Ну и что, будешь меня, такого маленького и хлипкого, бить? Это удовольствие продлится секунд пять, ты им не насладишься».

Но этот забияка, однако ж, многим людям засирает мозги. Я пытался его уговорить уменьшить количество компонентов в его гремучем коктейле, он отказывается. А по мне, так это уже не политика, а комическое шоу, когда в одном человеке соединяются такие составляющие: русский патриот, поклонник КГБ – ФСБ, еврей, сильно пьющий человек. Ну хоть что-то одно выкинуть! Тогда б еще можно было серьезно говорить... В дискуссии важно, чтоб позиции оппонентов не были заведомо уязвимыми, какими они часто бывают в дебатах на русско-украинскую тему. Я сейчас не об этом. Бывает, что человек излагает, излагает доводы – а его давно уже не слушают, и только злятся, и думают о переходе к драке.

Дальше я коротенько, тезисами, беспорядочно, в порядке поступления мыслей в мозг, о самом удивительном, о том, что украинская сторона берет в расчет, а русская – нет.

Один из моих престарелых родственников, ныне покойный, он русский, породнился с нами, рассказывал, как после фронта (был рядовым и дошел до Праги) дослуживал на Западной Украине. Из автоматчиков его там переквалифицировали в огнеметчики. Там, значит, как найдут в лесу убито-

го красноармейца, так вычисляют на карте ближайшее село – и сжигают его. Ну не звери все-таки, окна-двери никто не заколачивал. Бегите, спасайтесь, почему нет...

Видный деятель кино и ТВ, очень симпатичный человек, Роднянский, рассказывал мне, причем не по секрету, это было интервью, которое вышло в журнале «Медведь»:

В России не любят вспоминать про «замечательные» указы Победоносцева о запрете, например, театральных постановок на украинском языке. Я поступил в институт (Киевский, театрального искусства) в 1978 году, и нас, начиная с первого курса, каждый раз предупреждали: все, кто придет в памятник Тарасу Шевченко 9 марта (день рождения поэта), будут отчислены. И людей за это реально исключали! Такое не забывается. Можно много говорить о гонениях, о том, что Россия никогда не признавала за украинцами права на национальную идентичность...

Нормально? Красиво? Роднянский тоже, думаю, объективен – как русский медиамагнат с украинским паспортом и еврейской кровью.

Еще дам вам пространную цитату из моей старой книжки про Америку, где я среди прочих расспрашивал о жизни украинцев – ветеранов СС, которые после войны спрятались от советского правосудия за океаном. И кто-то из них рассказал мне такую историю:

Один парень с Западной Украины пошел в 1941

году добровольцем на войну. Но не на привычную нам сторону фронта, а на ту, которая была занята немцами. В немецкую он пошел армию, в украинскую дивизию СС «Галичина». А после войны домой, к жене, по понятным причинам возвращаться не стал. Потерялись они в той жизни. И вот поехал он в Америку и стал в ней жить. После 1991 года жена нашлась! Она была жива и свободна! Ветеран забрал свою старушку в Америку. Она в ней заскучала и увезла мужа на Украину. Теперь они живут-поживают на родине на американскую пенсию, которая там – сказочное богатство. Помогают и родне, которая воевала на советской стороне фронта.

Я себе представляю, как это все может происходить.

Встречается этот возвращенец с ветеранами Красной армии. Они его обзывают предателем. Он искренне удивляется:

– Кто, я? Вы меня с кем-то путаете. Я проливал кровь под желто-голубым знаменем, на форме у меня был трезубец – заметьте, это теперь государственная символика моей родины. Я с оружием в руках боролся за независимость Украины, я освобождал ее от коммунистов и москалей – и вот она свободна. Поскольку я воевал за правое дело, старость моя достойно обеспечена, я состоятельный человек. Ну а вы-то за что воевали? Где то знамя, и та армия, и те идеалы? Где те коммунисты, которым вы продались и под гнетом которых стонала порабощенная Батькивщина? Так вы обижае-

тес, что у вас пенсия нищенская и ее задерживают? Странно... Я думал, вы радуетесь, что вас не повесили, как военных преступников, вас даже не посадили в лагерь... Ну да ладно, угощу вас, по вашей-то бедности... Что, Германия плоха? Разве? Ее уважают в мировом сообществе. Фашисты плохи? Так их упразднили в сорок пятом и осудили в Нюрнберге. А что ваши коммунисты?..

Наверное, наши бедные ветераны ему что-то отвечают...

Донбасс, главная опора Януковича, – это не Украина. Тихо, тихо! Вот не надо сразу орать и делать бешеные глаза! Это, если говорить об исторической справедливости, территория Войска Донского. Это отчетливо видно на картах, по которым воевали в Гражданскую. Там были сплошь станицы, господа... О чем красные не оставили никакой памяти. Прошло, как вы помните, рассказывание. То есть казаков убивали, а семьи их, кто выжил, ссылали на смерть и ассимиляцию. По мне, так это очень и очень грустно. Украиной – точнее, советской Украиной – эту территорию назвали позже... Чья это земля, зачем, почему? Чьей она станет снова? Кто и на кого будет брызгать слюной после? Останутся ли потомкам хоть старые какие-то карты, чтоб напомнить о старине?

Ну про это все можно долго... Если совсем коротко, то отношения двух братских (или это я загнул? Слишком нагло звучит? Цинично? Неполиткорректно?) стран если и обсуждать, то только хладнокровно. Чуть малейшая эмоция –

и все. Драку заказывали?

PS

Я долго думал, какой простой образ лучше подходит для описания отношений России и Украины.

И вот придумал.

Мне кажется – могу ошибаться, – что большинство русских видят свою страну дембелем, а Украину – бойцом предыдущего призыва, деревенским таким простодушным парнем. (Типа, русская государственность старше украинской.) И вот «дед» начинает так свысока на молодого вроде по-хорошему, но наезжать. Старослужащий вроде в своем праве – что ж ему, на равных с салагой? Знаете, я в армии не служил, отбыл только месяц на офицерских сборах, но заметок про то, как молодые бойцы стреляют в «деда» из «калашникова» и после бегут с автоматом, и их ловит спецназ – начитался...

Америка стреляет по своим

20 апреля 2007 г.

Кого-то утянет в кровожадность, он будет злорадствовать – ага, так им и надо, в Ираке военные бьют чужих, страна стреляет в кого хочет, и частные лица тоже взяли на вооружение (пардон за каламбур) эту же простую идею. Типа, если тебе кто не нравится, если он морально подкачал (на твой

взгляд), застрели его. Тем более если оружие вот оно, под рукой, оно и дешево, и доступно любому пациенту психушки — ну может, не буквально любому, но стрелок-кореец ведь там попарился пару дней.

Но все не так, наверно, примитивно.

Америка как свободная страна построена на свободном доступе к оружию. Я сам много с мистическим ужасом от близости к великому, к могучим идеям их тех, что могут выплавить великую нацию, думал и писал про отважных ребят, которые с ружьями в руках били дикарей и захватывали земли, чтоб на них после поселиться и сделать их цветущими садами и Манхэттеном, и передать после праправнукам в наилучшем виде.

Я думаю об этом так эмоционально еще и потому что мы работали по той же схеме, но недожали. Знаете, это тем более обидно, что вроде все шло хорошо, но вот бросили на полдороге. Наш Ермак Тимофеевич тоже напал на наших евразийских индейцев, смотри известную картину, и тоже у них отнял земли. Но! Никакого подобия Манхэттена на прежних диких территориях пока что нет. Да и после жирные куски захваченного потомки Ермака отдали обратно туземным племенам. Представьте себе Соединенные Штаты, которые возвращают Аризону и Канзас индейским племенам, а те принимаются теснить белых обратно в Англию, выгоняя их пинками: понаехали тут. Однако же это случилось у нас многократно! Кстати, и Ермака Тимофеевича зарезали

туземцы на территории сегодняшнего Казахстана, остановив его бурную деятельность по приращению земель.

Но оружие у нас долго еще ходило свободно. Не только юнкера им стрелялись от несчастной любви к курсисткам и гризеткам. В революцию оно сгодилось, и в Гражданскую тоже. Немножко и свободные земледельцы поработали обрезам, моча грабителей-продотрядовцев. А после за найденный ствол стали расстреливать или хотя бы сажать.

И сразу все переменялось. Приличные люди остались безоружными. Тут тебе сразу и аресты, и погромы, и бандитизм... Представьте себе сегодняшний Израиль, в котором у резервистов было бы отнято хранящееся на дому оружие. Получилась бы наша Чечня начала 90-х, в которой автоматы были только у одной стороны – боевиков. Что делали с русскими, НТВ тогда не показывало, чтоб не портить имидж «благородных бородатых партизан» под руководством Басаева.

Наверно, злорадство по поводу американской трагедии не удастся по множеству причин. И одна из них та, что в эти же самые дни у нас идут публикации про маньяков, которые убивают детей.

Без всякого причем оружия! Самые страшные злодеяния, заметьте, творятся без помощи автоматических пистолетов...

Здесь я не только про детей, но и про те 40–50 тысяч человек, которых Россия хоронит по итогам случившихся в стра-

не ДТП. На советско-афганской войне за все годы потери (с нашей стороны, чужих мы не считали) были раза в четыре меньше. Тут кстати или некстати я вспомнил про turtles, черепашек, – так в Штатах называют мини-надолбы размером с сигаретную пачку, которые там на трассах разделяют полосы движения. На тыщи километров во все стороны простираются эти черепашки, и расстояние между ними сантиметров по 20, что ли, и они светятся в ночи! Уж как-то подвели к ним питание. Ты мчишься и видишь эти светящиеся пунктиры и безошибочно знаешь в каждую секунду границы не то что дороги, но даже и своей полосы! Ну да это ладно. Главное же предназначение этих черепах в другом. Когда я засыпал там за рулем и машина виляла с полосы в сторону, колеса натыкались на эти мини-надолбы, машину слегка встряхивало так, что каждый раз я просыпался и выравнивал руль. По мне, так это техническое достижение покруче высадки на Луну.

Но вернемся к нашим баранам. Если американцы читают про наших маньяков и их детские жертвы, у них непременно появляется вопрос, который нам не приходит в голову: а почему родители пострадавших до сих пор не в тюрьме? А с чего это вдруг их в тюрьму? С того, что по американским законам они б уж парились в КПЗ. За то, что оставили без присмотра детей до 12 лет. Что там считается настоящим преступлением. Каковым оно, может, реально и является?

Важна и деталь. Когда родителей таких под арест, куда де-

тей? Так вот их отдают в foster families, не знаю, пардон, как это по-русски и сказать-то. Это такие проверенные семьи, которые в любой момент готовы принять – на время – детей, по каким-то причинам оставшихся без присмотра. А дальше эти дети либо возвращаются в своим родителям, либо отправляются на постоянное усыновление, либо в приют.

Представляете, как они там удивляются: «Странные люди эти русские! Вышел человек прогуляться с пистолетом – невиннейшее дело, – хватай его и сажай на пару лет смело по ст. 218 УК РФ. А бросил малолетних детей на произвол судьбы – вон маньяки же кругом, – и такого страшного преступника отпускают на свободу!»

Что отвечать? Два мира – два детства. Коротко про это не скажешь. В самом центре Москвы, на тротуаре вдоль Нового Арбата – важнейшей трассы, по ней от красноезвездного Кремля в сторону царственной Барвихи стремительно мчатся членовозы импортного производства, – позавчера я, возвращаясь с просмотра «Груза 200» (мощный фильм Алексея Балабанова), видел стайки чумазных детей, которые под присмотром подозрительной тетки выпрашивали у прохожих копеечку. Что за дети, чьи, откуда? Кто их ищет? В кого они вырастут? Кто их, случись что, хватится? Где чекисты Дзержинского, которые ловили таких сирот, мыли, кормили и учили новым технологиям (таким в свое время было производство фотоаппаратов ФЭД, названных в честь железного Феликса)? Да, в самом деле, где чекисты? Чем заняты, что

их волнует сегодня, что заботит, кто и что привлекает их государственное внимание, куда они тратят и планируют дальше тратить мощный свой ресурс? Ну, у них есть поважней заботы, чем маленькие дети, брошенные без присмотра – кто на всю оставшуюся жизнь, кто на один вечер, который иногда становится последним.

Да отвяжитесь вы от чекистов, что за мода – вешать на них всех собак! Чекисты не обязаны заниматься детьми. Мне кажется, никогда и не занимались – в этом смысле. Насчет сирот, опекаемых Дзержинским, – похоже, это был всего лишь голый пиар. У чекистов при Феликсе Эдмундовиче и без сирот хватало забот: никак нельзя было пустить на самотек передел собственности и решение вопросов с прежними собственниками. Парням в кожаных (тогда был такой дресс-код) приходилось обеспечивать экономическую безопасность страны, и они ее обеспечивали как могли – в соответствии с тогдашней Конституцией. После нее было, кстати, конституций пять или уж не знаю сколько. Мне что, все бросить и их читать одну за другой? Там всегда что-то вписывают про безоблачное или какое-то в этом же духе детство, права сирот и т. д. и т. п.

И еще, я слышал, там есть про разделение властей – так вот это по крайней мере соблюдается. Американская власть сажает тех, кто оставляет без присмотра детишек, а наша тех, у кого ствол.

Вот так бы пусть каждый занимался своими делами и не

лез в чужие. Тогда и настанет счастье. В Конституции, кстати, ничего нет про счастье? Надо вписать, красиво звучит.

Хотя – нет, никак нельзя. Как я сразу не подумал: Конституция же незыблема. Вот сколько их было у нас, так все незыблемы. Хоть кол у нее на голове теши, а ей хоть бы что. Тешут, тешут – а она все незыблема. Берут другую, тешут – и эта тоже! С третьей – та же история. Рука бойца тесать устала, право слово...

Бронированные «мерседесы» Ельцина

26 апреля 2007 г.

Увидел на похоронах (про всемирно-историческое значение, про заслуги и про печаль, которую разделяю, не буду, без меня сказали) ельцинскую дочь Елену и вспомнил, как, бывало, названивал ей по домашнему телефону. Чисто по делу. Это было в конце 90-го – начале и середине 91-го. Я тогда был демократическим журналистом и стоял всецело на стороне Бориса Николаича. (А сейчас я что, не демократический? Сейчас – нет. Отличие вот в чем: демократический журналист защищает своих, а чужих ругает. Чего тут думать, все сразу ясно. Я тоже такой был. А теперь, прежде чем что-то сказать или тем более написать, – я сперва думаю, а потом излагаю. И в итоге иногда я демократов ругаю, бывает, что и хвалю, – смотря по содеянному.) Так что мог, если что, позвонить и получить фактуру для поддержки Б.Н.

Про Генпрокурора какого-нибудь и вообще говорить нечего – названивал ему на дом по ночам, требуя комментариев в номер. И выпы считали, что это в порядке вещей. Какие-то были наивные времена! Об этом, кстати, предлагаемый вашему вниманию текст. И вот однажды я позвонил Лене по поводу ДТП, в которое попал ее папаша, – осведомиться о его самочувствии. Оно было на тот момент хорошим. Информация о происшествии была, конечно, секретная – до того момента как знакомые менты мне ее не передали. Хорошие были ребята; жаль, их потом застрелили подольские. Схема ДТП была такая: Ельцин выезжал на служебной машине со двора своего дома на Тверской (или еще Горького?), где магазин «Пионер». Шофер Витя говорит:

– А давайте включим мигалку и крякалку.

– Нет, не надо, я ж демократ.

– Ну если без крякалки, тогда надо ехать до Белорусской и там разворачиваться.

– Нет, я спешу. Прямо тут через осевую давай. И молча.

Вите ничего не оставалось, как выполнить указание шефа. Он понимал: что-то тут не так. Если, значит, ты чистый демократ, то давай, как все, через Белорусскую. А если ты большой начальник, то не играй уж в демократа и езжай с мигалкой, не стыдись! Чего уж там!

И в момент разворота ельцинская «Волга» столкнулась с «Запорожцем», который честно ехал из центра к себе в спальный район.

Меня при этом не было, это мне все рассказал пострадавший пенсионер, которого я отыскал в его квартире (адрес взят моими ментами из гаишного протокола). Правда, я его ждал весь день, он только к ночи вернулся. Ну пока искал, кто его «Запорожец» дотянет до дому на буксире, пока тянули, после он дочку, у которой в аварии было разбито лицо, пытался устроить куда-то на оказание первой помощи, а везде почему-то гнали... Но наконец все как-то решилось. Пенсионер был не в обиде, он понимал, что столкнулся с властью, — значит, виноват, ничего личного. И все кончилось довольно мирно. Могло б и хуже... Но уже были другие времена, и это его радовало — что он легко отделался. Всего-то потерял машину. А дочке зашили шрамы, и вот она дома. Он не ждал, что ему подарят новую машину или хотя бы дотащат на милицейском буксире до дома. Или дочку помчат в ЦКБ. Оставили в покое, и ладно.

Написал я про то ДТП заметку — а в конце ее сообщил секретную информацию: в Германии заказаны для Ельцина два бронированных «мерса», и они скоро придут. И тогда ДТП будут для Б.Н. не опасны.

На ту заметку последовал отклик. По ТВ выступил председатель Верховного Совета Руслан Хасбулатов и назвал мою информацию клеветнической: «Ну как можно про Бориса Николаевича говорить такие оскорбительные вещи, что он будет ездить на иномарке?» (И действительно, стыдно большому начальнику ездить по своей автопроизводящей стране

на иномарке; французы б со свету сжили своего президента, сядь он на «мерс», так что гнев Руслана Имрановича понятен.) Я продолжаю вам давать черты и милые приметы того времени, уже позабытого, и протягиваю, как положено, ниточку в сегодняшний день. Я вам даю рамки, в которые вместились вся московская часть ельцинской жизни. Я в тот же день отправился в Белый дом, нашел там Хасбулатова – попробуйте так, запросто, сегодня добраться до аналогичного уровня – и вытащил из него в свой диктофон фразу типа «Я вовсе не хотел сказать, что это ложь или там клевета, я имел в виду совсем другое».

Короче, после «мерсы» пришли, с броней, как положено. Сейчас уж никто не стыдится иномарок. Смешно вспоминать. Другие времена. Да и «Запорожцев», с другой стороны, почти не осталось.

Другие, да не совсем. Есть один случай, когда иномарка – особенно немецкая – это некрасиво, это стыдно. Я про парад 9 Мая, который принимается в «Чайке»-кабрио.

То есть все-все наши начальники на иномарках: «ауди» там, «мерсы», «бимеры» – а эта машина одна русская. Может, пора и ее поменять на бронемерс? Или, напротив, чиновников на русские машины пересадить? (Как мечтал Борис Ефимыч.) Ни то ни другое. Все-таки недалеко мы ушли от маленьких византийских хитростей времен молодого Ельцина, который и демократ был, но и, как все, не мог ездить по правилам, как ни просил его шофер Витя.

Хотя, может, совсем скоро, на ближайшем параде, мы увидим едущий вдоль строя нормальный «мерс», как у всех, только кабрио, и с него будет принят парад победы. Одной автопроизводящей страны над другой. В теперешнем трогательном лицемерии есть, конечно, своя красота, но надо ж когда-то взять и определиться...

ЖЖ 1942 года: Модные солдатские мемуары

3 мая 2007 г.

В 80 каком-то году я усадил своего деда Ивана Дмитриевича Свиначенко (1901–1992), старого фронтовика с передовой, за мемуары. Был он пулеметчиком, и этим многое сказано: супостат был от него не где-то там вдали, но на расстоянии прицельного выстрела, что при жестком дефиците патронов в начале войны означало удивительную близость. Редко ему доводилось убить бойца вермахта так, чтоб перед этим не глянуть тому в глаза.

Дед с готовностью сел за порученную мной работу и выполнял ее весьма бесхитростно, что видно даже из его предисловия:

Писал я урывками, просто для того чтоб заполнить свободное время, от нечего делать. Возможно, что написано небрежно и не особенно грамотно, но все взято из жизни.

Эта писанина никому не нужная, а просто для себя.

Я иногда достаю эти бумаги и читаю – как, например, сейчас, в районе 9 Мая, по понятным причинам.

И вот что мне на этот раз бросилось в глаза сразу после прочтения предисловия («...писанина никому не нужная, а просто для себя»): да это ж чистейшей воды ЖЖ! Без пафоса, без всемирно-исторического значения, без потуг на актуальность или там символичность! Так, немудреные записки о своих частных заботах и впечатлениях. Если б летом 1942-го у моего деда был в окопах смартфон с мобильным Интернетом, продвинутая молодежь могла б эти строки вытаскивать из всемирной паутины online. *(Тут хорошо б исполнить что-то про фашистскую паутину, окутавшую к тому моменту, типа, всю Европу. А теперь вроде как не всю, а лишь отдельные прибалтийские территории.)*

Тогда как-то не сложилось. Не довелось моему деду при жизни сделаться сетевым автором.

Но может, как-то посмертно можно это оформить?

Если да, то – читайте выбранные места.

Может, и в Эстонии – будь она неладна – кто прочтет... (Ну, она уже обратно в Европе, верно, и мы немало эстонцев угробили в лагерях и так, это надо признать. Но все ж если твой дедушка служил в СС, пусть даже из самых прекрасных демократических побуждений, то у тебя, горячий эстонский парень, должно хватить ума не выкапывать убитых русских

солдат перед самым что ни на есть 9 Мая. Такой мой сказ.)

НАЧАЛО ВОЙНЫ

...Половина роты были неграмотные. Когда присягу принимали, так читает политрук или кто, а потом боец и крестик ставит, и прикладывает палец. Перед отправкой дивизии на фронт несколько дней подряд проводились тактические занятия на местности. Было холодно, мороз за 30 градусов, метель, глубокий снег. Во время занятий несколько бойцов отстали и замерзли. При разборе занятий командир полка сказал, что, возможно, потери еще будут. Отсев идет за счет слабых, которые не нужны. Там, на фронте, нам нужны сильные, стойкие и выносливые, преданные нашей Родине бойцы, а воспитать и сделать бойцов такими – задача командиров и политработников.

На фронт наш 423-й полк ехал в первом эшелоне. Челябинск – Златоуст – Сызрань – Саранск – Кострома – Рыбинск. Несколько часов стояли в Саранске. Недалеко от станции был рынок, там я купил 40 стаканов табака-самосада по 20 руб. за стакан. Этим я обеспечил себя куревом до самого фронта.

По прибытии на передовую наш полк занял оборону в районе Демянска. Там была окружена немецкая группировка: Старая Русса – Парфино – озеро Ильмень – Молвотица – Большое Заселье и др. Все время мы находились на передовой. Немцы применяли разрывные пули дум-дум, которые при попадании наносили тяжелое ранение и навсегда

выводили из строя. В первые дни эти пули создавали панику среди необстрелянных бойцов; создавалось впечатление, будто одновременно идет стрельба с фронта и с тыла, так как пули, попадая в дерево, ветку и в любой предмет, разрывались.

Наша оборона держалась на полуголодных и истощенных бойцах. Весна и лето были дождливые, дороги превратились в грязь. Доставка продовольствия и боеприпасов была затруднена, особенно в апреле. Иногда оставалось по две-три обоймы на винтовку и по одному диску на пулемет. Смазывать оружие было нечем. Приходилось применять для смазки пулеметов щелочь, которая быстро сгорала.

Были случаи, когда по два дня не выдавалось никакого продовольствия. Многие бойцы и командиры от истощения болели дистрофией. Как раз в это время зацвели елки и сосны, и мы ели завязавшиеся шишки. Самых крепких бойцов посылали в деревни за сухарями, иногда они что-то приносили. От голода опухали ноги, руки, лицо, появлялись трещины и раны на ногах. Таких больных отправляли в медсанбат – некоторые умирали еще по пути. На марше после привала некоторые бойцы не могли подняться без посторонней помощи. У меня тоже начали тогда опухать ноги. Сапоги не налезали. Пришлось распороть по швам брюки ниже колен. Болели почти все командиры, хотя питание для всех было одинаковое. Мне, как парторгу роты, приходилось проводить среди бойцов работу по поддержанию боевого духа.

Я рассказывал им о том, что жители Ленинграда находятся в еще более тяжелом положении, что они ждут от нас быстрой ликвидации блокады.

...Оборону мы занимали в большинстве случаев в лесистой и болотистой местности. Траншеи постоянно были залиты водой. Доты строили в два наката из бревен, сверху обсыпали землей и обкладывали дерном для маскировки. Строили, рыли траншеи, устраивали огневые пулеметные точки ночью и сразу же маскировали. Почти все лето нас заедали комары, которые носились тучей, днем и ночью. Чтобы отдохнуть от них и поспать спокойно, закрывали амбразуру и вход в дот, жгли сухие еловые шишки. Дымом спасались от комаров, хоть и на короткое время. Немецкая авиация часто бомбила нашу оборону. Обстреливали нас из дальнбойных орудий. Мы несли большие потери.

...Был такой случай. Немецкий снайпер обнаружил амбразуру нашего дота и вел огонь зажигательными пулями. Одна из пуль рикошетом попала в гранаты, и на них загорелась краска. В это время я один отдыхал в доте. Я быстро накрыл горящие гранаты и загасил пламя. После этого гранаты стали хранить в нишах, вырытых в стенке траншеи. По звуку выстрела я определил, что снайпер находится недалеко от траншеи. С разрешения командира роты на рассвете я послал двух бойцов – Волкодава и Гусева – с заданием сделать засаду и взять снайпера. Они замаскировались вблизи от места, откуда снайпер вел огонь. Ребята

набросились на него, когда он полз на свою позицию. Снайпер был человек сильный и ловкий, справиться с ним было трудно, пришлось *применить* приклад – но удар был не рассчитан и к вечеру немец умер, едва успев дать ценные сведения для командования. За выполнение задания пулеметному расчету была объявлена благодарность.

...Несколько раз нас отводили с передовой на отдых, километров на пять в тыл. Мы приводили себя в порядок, грели воду в бочках из-под бензина, мылись в походных банях и, самое главное, освобождались от насекомых, которые беспощадно нас грызли. Но и на отдыхе нас часто беспокоили немецкие самолеты и дальнобойные орудия.

САМОСТРЕЛЫ

РУТИНА

РАНЕНИЕ

На четвертый день нас переправили в прифронтовой госпиталь, который находился на берегу озера Селигер. Перевозили на санях, на которых были выстроены будки из фанеры. Мороз был крепкий, и нас, раненых, заворачивали в ватные одеяла и обкладывали химическими грелками. При погрузке сделали обезболивающие уколы – морфий.

Ну, прибыли. Госпиталь там был такой: длинные траншеи выкопаны, глубокие, накрытые бревнами в несколько накатов, там леса хватает. И дерном накрыто. Где копали – оставляли вроде кровати. Хвоя настлана там, потом постели какие-то.

В первые дни у меня была высокая температура и слабость от большой потери крови. От пищи я отказывался, состояние было угнетенное и безразличное. Думаю – а, все равно! Ноги нет, руки тоже нет (это я так думал тогда) – зачем мне жить? Об этом медсестра доложила главврачу госпиталя. Он подошел ко мне как-то и спросил, почему я ничего не ем. Стал меня убеждать, что для скорейшего выздоровления нужно питаться. Я категорически отказался:

– Зачем и для чего я нужен в таком состоянии? Оставьте меня в покое!

Главврач – участник финской войны, и на груди у него был орден Красной Звезды. Когда я увидел орден, мне стало просто стыдно, что такой заслуженный человек уделяет мне столько внимания.

Он вторично подошел ко мне и спросил:

– Что бы вы ели? У нас для раненых все есть.

Я сказал, что хочу свежее яблоко красное и мед. Откуда, думаю, они возьмут... Красное яблоко на фронте! Врач ушел, я подумал, что он оставит меня в покое.

Однако через несколько минут он подошел снова с медсестрой, которая несла на тарелке два красивых свежих яблока, мед и две банки – тех, что на спину лепят, – красного вина. Уговаривать не стал, а приказал:

Почти на каждом обходе я просил врача отнять ногу и тем самым избавить меня от мучений. Но врач утверждал, что я буду ходить на своей ноге, хотя и

плохо, что нога еще долго будет болеть и нужно терпеть.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Те деньги на полевой книжке дали временно небольшую поддержку. Но надо было находить выход из такого положения. Я обратился в трест «Макеевуголь», где работал с 1924 года, и зам управляющего трестом тов. Рубинский выписал мне 20 кг картошки и дал свою лошадь, чтоб привезти продукты с базы. Дал он распоряжение и начальнику АХО, чтоб мне привезли угля и дров, получил я также кое-что из одежды для детей, из американских подарков. (Мой отец до сих пор помнит какие-то удивительные клетчатые штаны made in USA, которые достались на его долю и приобщили его к международной моде. – И.С.)

Однажды на рассвете, когда со стороны немцев началась беспорядочная стрельба, один красноармеец совершил самострел: ранил себя в ногу. Чтобы не обнаружили, он закрыл ногу куском коры, содранной с елки. Винтовку он привязал к дереву проволокой, а другим концом – за спусковой крючок. Потянул за винтовку, и последовал выстрел. Мне сразу сообщили мои пулеметчики, я прибежал к месту происшествия. Сразу все стало ясно. Кора, которую он привязал к ноге, была пробита пулей. Рядом валялась винтовка, к курку

все еще была привязана проволока (где он только ее достал на передовой?). Пулей пробита кора, которой он обмотал ногу. Где он проволоку только взял, которая была к курку привязана? Он ничего не успел отвязать, трус, он же боялся. Как выстрелил – сразу винтовку бросил, даже патронник не открыл, и гильза была там.

Самострел лежал и истекал кровью. Никто из бойцов не хотел его перевязывать. Они хотели его добить на месте. Я закричал:

– Вы что делаете?

– Да вот, гад такой!

– Подождите, на это есть трибунал.

Я приказал раненого перевязать и вызвал начальника особого отдела, командира и политрука 3-й роты.

Этот боец, самострел, был уральский крестьянин, здоровенный парень. Он все время ходил грустный, еще с того времени, как при формировании проходили учебные стрельбы, и то он тогда уже... был в угнетенном состоянии. Он растерялся: еще до фронта не доехал, а уже переживал это дело! Его даже комиссар батальона спрашивал – почему ты так ведешь себя? А шахтеры не грустили. Они привыкли в тяжелых условиях работать, вот почему они такие.

Собрались все. Политрук только сказал ему: я ж тебе говорил... Он его убеждал раньше, что не надо бояться.

Решено было расстрелять самострела как изменника Родины. Тут же, сразу. Приказали ему самому выкопать яму, но он не мог копать, он был белый – такой делается человек перед расстрелом. Он уже мертвый, когда его

расстреливают. Яму ему выкопали. На краю могилы он сидел, стоять не мог: на одной ноге не устоишь. Он уже неживой был, он уже был убитый морально. Тут же и боль. Он уже как немой был. Молчал, ничего не говорил, растерянный такой. Возле ямы, его там же и израсходовали: начальник особого отдела и с ним бойцы, двое, с автоматами, дали каждый очередь. Тот и завалился, прямо так, в шинели, как был.

И жаль бы его – ну чего ж ты, дурак? И мы ж так переживали, в нас же тоже стреляли. Он думал, что ранит себя, его отправят в госпиталь, потом в тыл, а там домой попадет. Но это ж все равно б обнаружили это дело! Даже если пуля насквозь пройдет, по ее действию все равно видно, чья она была. Немецкая пуля тупая, а наша острая, наша разрывает больше. Тут же ясное дело, на месте преступления, из какой винтовки стреляли.

Второй случай. Два бойца, оба татары, прострелили друг другу руки. По заключению врача установлено, что стреляли с близкого расстояния, так как возле ран находился порох. По приговору трибунала оба были расстреляны перед строем как трусы и изменники. Тогда и в тылу что-то было, тогда обкомы ихние разогнали, а раньше были татарские. Они, наверное, письма получали. Не хотели воевать, какая-то тайная агитация между ними, видно, была. Они тогда вспоминали Чингисхана, Батыя, своих вождей. И даже носили некоторые эти – медальончики с Чингисханом.

...Мне рассказали, что в батальоне произошло ЧП

– во время перестрелки перебежал к немцам боец-татарин Басиров, находившийся в боевом охранении. И теперь за потерю бдительности командира Карпова будет судить трибунал. Ясно, что пустят в расход. Карпов был хороший, дисциплинированный командир, преданный нашей Родине. Знал я его с самого начала формирования дивизии. Я вспомнил, как месяц тому назад, проверяя ночью боевое охранение, я задержал Басирова при попытке совершить перебежку – он был без винтовки, – доставил его в штаб батальона и сдал особистам. Они его допросили и почему-то выпустили. Так что они виноваты, а не комвзвода. Почему тогда Басирова отпустили, а теперь Карпова обвиняют в потере бдительности? Я сказал – проверьте, ребята, что такое. Разобрались, и Карпов был освобожден из-под ареста. Этот случай разбирался потом на партсобрании полка, и виновники были наказаны за проявленную беспринципность при допросе Басирова.

...В обороне от скуки наши кричали немцам:

– Фриц вшивый! Ганс!

А те кричат в ответ:

– Иван, ты дурак!

Приходят ко мне бойцы:

– Товарищ командир, немец тебя ругает!

– Идите вы! – говорю.

А немцы дальше кричат через рупор:

– Иван! Ты дурак!

Потом кто-то обидится, они или наши, и начинается

перестрелка. Смотришь, кого-нибудь ранили.

– А что ж вы, зачем трогаете их? Иван таки дурак...

...Летом мы освободили один городок, где был немецкий госпиталь. Мы осмотрели немецкое кладбище, где они хоронили своих убитых и умерших от ран: сотни могил с березовыми крестами, и на каждом кресте – каска. На некоторых были надписи «Только вперед!». Городок немцы перед уходом сожгли. Возле разрушенной школы валялись тетради и учебники. Жители рассказывали нам, что фашисты бросали гранаты в погреб, где люди прятались во время боя.

...Участок, где мы должны были совершить бросок на лыжах, был заминирован немцами и обстреливался из минометов и противотанковых орудий. Прорваться к немецким траншеям не удалось, бой продолжался дотемна. В нашем пулеметном взводе было два убитых и три раненых.

Оттуда вели обстрел с орудий, и ко мне приполз солдат. В руках у него оторванная человеческая голова, вся в крови. Протягивает мне.

– Ты что? – спрашиваю.

– А вот Остроушко голову отрезало, снарядом.

– Давай быстро, видишь, там воронка от снаряда? Положи туда ее.

Потом нас отвели километра за два, привезли питание: сухари, мясо в котле наварено... Но мы такого насмотрелись, что мясо редко кто мог взять в рот,

противно было. И я вот выпил кружку четырехсот граммовую спирта-сырца, и давай сухари грызть. Какое там мясо...

В этом бою участвовал и мой брат Андрей, он служил тогда в подразделении стрелковой части, что стояла на правом нашем фланге. Но об этом я узнал только при встрече с ним уже после ранения. Ранило его так. Они поставили пулеметы под большими елками и били из-под них. Так их накрыли снарядами. Так же нельзя, сосна – это ж ориентир. А надо так: если пострелял из пулемета, не сиди на месте, знай, все равно тебя наметят. По звуку узнавали. Я послал людей: а ну-ка давайте посмотрите, там пулеметчиков разбили, может, что у них есть. Так оттуда принесли несколько сухарей, нашли там. Это называлось мародерство, конечно. Нельзя так: тут бой идет, а мы тащим сухари! Да ведь люди голодные.

...Нам нужно было преодолеть расстояние около километра – по открытой местности, под огнем немецкой артиллерии. Мы быстро перебрались через бруствер и поползли по-пластунски. Нас прикрывала наша батарея, она была прямой наводкой. Ракеты освещали местность, и нас, наверное, было хорошо видно. Как только рядом падала ракета, ее засыпали снегом, тушили и продвигались дальше вперед. Стали перебегать, метров так по 60. Убило одного нашего, прямой наводкой снаряд попал. Трудно было поднять бойцов для перебежки по направлению

к немецким траншеям. Солдаты не поднимаются. Командир отделения Адамчук Иван, который заменил погибшего комвзвода, поднялся и подал команду: «За Родину, за Сталина, вперед!» И тут же был убит немецкой пулей.

Во время перебежки меня и задело: мина минометная. Подкинуло меня, опекло все, руку отбило. Помню, в сознании промелькнула мысль: «Ну все, конец Ивану!» Не помню, сколько времени я лежал до этого и думал – почему я еще живу?

...Меня повезли два солдата волокушей. А пулеметы бьют. Черт-те что делалось. А нога ж болит! Мне казалось, что каждая трассирующая пуля летит в мою раненую ногу. Но я быстро преодолел страх, который перешел в ненависть к фашистским захватчикам и в обиду на себя, что мои товарищи в бою; а я вышел из строя – возможно, навсегда.

...У меня было тяжелое ранение: раздроблена ступня левой ноги и раскола тапочная кость, перелом обеих голеней, ожог лица. Я находился в тяжелом состоянии. Я временно потерял память и в беспомощности, мне рассказали потом, два дня кричал: «Вперед, за мной!» – и матом. Ругался здорово и кричал, пока в чувство не пришел. Да и потом, бывало, ночью другой раз как приснится про бой, так аж страшно.

– Выпить вино и съесть то, что просили! Я приказываю!

Выпил он вина – и я выпил. И съел яблоко. Медсестре он приказал, чтоб перед едой давали мне по

стопке вина или водки.

И вот как утро, надо завтракать – кормили хорошо, – стопочку приносят. Выпил – хорошо!

А как-то консервированной крови моей группы не оказалось, тогда вызвали донора – молодую девушку-комсомолку, и она согласилась дать мне свою кровью. Я отказывался: зачем ее мучить? Но она категорически настаивала, и мне пришлось согласиться. Она оставила мне свой адрес, но он затерялся потом в переездах, а вспомнить не смог. И не смог еще раз поблагодарить ее письменно за благородный поступок.

Это написал, чтобы знали, какое чуткое внимание было к раненым.

Ранение я получил 25.12.1942, и Новый, 43-й, год пришлось встречать в полевом госпитале. Там же со мной рядом находились два пулеметчика-уральца из моего бывшего взвода и много бойцов из лыжного батальона нашей 166-й дивизии. К нам в госпиталь прислали из дивизии делегацию с поздравлением. Прибывшая из нашего медсанбата медсестра спела несколько фронтовых песен, «Землянку» и другие. Некоторые из раненых бойцов и командиров плакали навзрыд.

...Когда подошел состав и началась погрузка, появились немецкие самолеты, началась бомбежка. Все легкораненые, кто мог двигаться, выбежали в укрытие, а лежащие остались на носилках – в том числе и я. Мне неоднократно приходилось бывать под бомбежкой и обстрелами, и я никогда не испытывал страха.

Но в тот раз было как-то жутко! В беспомощном состоянии, в закрытом помещении, а кругом рвутся бомбы, осколки залетают в окна. Особенно страшно стало тогда, когда воздушной волной от взрыва выбило дверь и разрушило стену. Все затихли, ожидая конца... С нами была медсестра, она не бросила нас и оставалась рядом все время, пока продолжалась бомбежка. Она успокаивала нас, говорила, что немцы бомбят эшелоны, а станционный домишко им не нужен.

После отбоя, когда зенитки отогнали немецкие самолеты, раненых быстро погрузили в вагоны. Привезли нас в Вышний Волочек. Привезли в госпиталь, он размещался в школе. Положили в углу на носилках, шинелью накрыли. Лежу, ожидаю в очереди. Подходит ко мне кто-то и говорит:

– Вы не в этот госпиталь попали!

Ты представь себе...

– Вас в другой надо.

– Да куда ж мне в таком виде в метель?

– Ничего не знаю.

Я говорю:

– Никуда не поеду.

И достал пистолет, он у меня как был, так и остался. Думаю: если что – убью. Ну, потом главный пришел врач:

– В чем дело? – Врач посмотрел на пистолет: – Придется сдать.

Забрали у меня пистолет, но оставили в этом госпитале. Меня поместили в палату «газовиков»:

дежурный врач предполагал, что у меня гангрена, так как нога посинела и распухла. В палате нас было шестеро, двое из них за ночь умерли... Пролежал я в том госпитале несколько месяцев, а потом уже перевели меня в Москву. Во время следования эшелона, при подходе к разрушенной станции Клин, появились немецкие самолеты, начали сбрасывать бомбы и стрелять из пулеметов по вагонам. В нашем вагоне два человека были убиты и один вторично ранен. Зенитчики открыли огонь. Мы не видели, что делалось вокруг, почувствовали только, что машинист дал задний ход и отвел эшелон от станции.

В Москву приехали утром.

Из вагонов нас выгружали на Казанском вокзале. Выносят на носилках. Шинели у нас те, что были в траншеях, в глине. Народу собралось, москвичи плачут, смотрят на нас. Жаль им, понимаешь. Потом привезли нас в Академию имени Фрунзе. Там три этажа из восьми заняли под госпиталь, первые три, а то выше носить же – не наносишься. Пока везли, простудился, чиряк был на задку. Попросил у сестры ваты. Так я сделал такой как бы бублик и надел, наложил его. В Москве старушка медсестра, говорю ей – я не могу, чиряк, простуда. Она – сейчас. Помазала мазью какой-то – как защемило! А потом вторично помазала. И прошло. А то ж невозможно!

В Москве начали нас купать, нога в гипсе, я боялся, чтоб не размочили, а они обмотали как-то клеенкой. Искупали, побрили. И дали нам пищу. Белого хлеба

по куску, по котлетке, еще что-то. И по пачке папирос «Ракета». Мест нет, меня определили в вестибюле на первом этаже – громадном, красивом. Постель была чистая и удобная.

Лежишь, покуливаешь. Впервые за все это время я почувствовал себя спокойно. Не было слышно ни самолетов, ни взрывов. Врачи, медсестры и няни проявляли к нам самое чуткое и дружественное отношение. Следует отметить, что медслужба находилась на высоком уровне на всем пути следования – начиная от фронтовых санитаров, которые под взрывами и пулеметным огнем, не щадя своей жизни, оказывали необходимую помощь.

Питание там было раз в день, – черного хлеба 600 грамм, сахара нет, давали или две сливы сухих, или алычи. А тут надо поправляться! Все-таки и кровью истек, и все. Я дал медсестре полевую книжку, написал доверенность, она получила деньги, купила буханку хлеба черного, огурцов, принесла нам. Братия ж голодная – давай! – и поели все.

Там мне сделали операцию на левой раненой ноге и левой руке, которая была контужена. Операция шла под местным наркозом. Сделали укол в позвонок, запустили туда новокаину, разрезали пятку и вырубili кусок кости и наростки окрепшего хряща. Почти не чувствовал боли, но сильно было слышно стук и отдачу ударов деревянного молотка по долоту, которым производили обрубку.

...Рана зажила, я начал подыматься и учиться

ходить на костылях. Наступать ногой было опасно, кости только начали срастаться. Но боли не утихали: ступня, пяточная кость и голень были сломаны, нервы повреждены. Нога оставалась синей и отекающей, кровь проходила плохо.

...В феврале 1944-го из госпиталя я выписался с инвалидностью первой группы. К тому времени я получил уже известие, что семья моя осталась в живых и находится в тяжелом материальном положении.

Я оформил все свои дела и заехал еще в село Чебаркуль, где жила семья пулеметчика из моего взвода. Долго с ними беседовали, меня все спрашивали – как там их Кирюшка, жив ли? Был я с ним вместе в последнем бою, а после ранения его не видел. Мать Кирилла занималась домашними делами, а жена работала в детсадыке. У нее был сын-подросток, он провожал меня на станцию и сидел возле меня до прибытия поезда. Во время беседы он заплакал горько и рассказал, что ему очень обидно – отец сражается на фронте с фашистами, а мать связалась с шофером, который у них живет на квартире, спит с ним. Бабушка ругает ее, а мальчику запретила писать об этом отцу: жив останется – придет, и сами разберутся. Такое дело приходит на баб иногда... Я ему:

– Да, верно, не пиши, это правильно бабка сказала. Это тяжело ему будет.

Так что я подтвердил, что это правильно. Что ж он может сделать? Ничего ж не сделает... А настроение какое у человека будет?

...Прибыл я в Макеевку (домой) в конце февраля 1944 года. Семья моя во время моего появления находилась в крайне тяжелом положении. Топить нечем, в квартире холодно, жена болела. Дети полураздетые, тощие от недоедания. Их было четверо. Почти все, что было у семьи из вещей, пошло на менку, а остальное забрали немцы при обыске.

Я привез с собой две пачки концентрата из пшена и с килограмм хлеба. Мать сварила похлебку из концентрата с добавкой кукурузной сечки в большой кастрюле. Я перепугался, когда глянул, как они на кукурузную кашу кинулись. Все это было моментально съедено. Ребята ж голодные как собаки. А у меня ж еще деньги были на полевой книжке. На следующий день пошли с дочкой Раей на базар. А там буханка хлеба стоила 140 рублей, кило сала 300 рублей. И всех ловят – кто покупает, кто продает – и берут, паразиты, в милицию. Я хожу, наблюдаю, а дочка торгует. Я ж на костылях, нести не мог, и обратно так Рая несет хлеб, сало. Вечером детям даю хлеба по куску, сала, крошу цибулю. И спать. Тогда как попало спали: кто под кроватью, кто где.

После моего приезда домой, через несколько дней, мы, женой поехали в Днепропетровскую область, в село недалеко от станции Пятихатки, чтобы выменять продуктов. Собрали все, что имелось еще из пожитков, да начальник ОРСа дал еще несколько метров материи, но за эти пожитки много не удалось выменять, пришлось отдать еще и бритву. Бритву променял,

бриться нечем. Потом еще гимнастерку снял с себя и белье. Остался в бушлате теплом на голое тело.

С нами была тогда и моя свояченица – старшая сестра жены Настя. Мы остановились у одной молодой хозяйки. Жена и свояченица копали с ней огород, а я сидел в хате и чистил кукурузу – выдирали зерна из кочанов. За этот наш труд получили картошки, кукурузы и пшеницы. С этим багажом, что наменяли и заработали, особенно трудно было с погрузкой в товарный вагон. Нам повезло – как раз эшелон порожняком следовал в Донецк. Погрузить помог красноармеец, а до станции довез мужик на коровах за плату.

Был вечер, на станции на всех путях стояли воинские эшелоны, которые следовали к фронту. И тут налетели немецкие самолеты, стали сбрасывать в беспорядке бомбы. Десятки зениток открыли по самолетам шквальный огонь. Перепалка эта длилась около часа в сплошной темноте – станция была затемнена. Я стоял и думал: «А что, если вдруг угодит бомба в вагон? Мы можем оба погибнуть, а что тогда дети будут делать сами? Продукты и деньги у них на исходе, а мы в пути уже десятый день...» Я хотел предложить жене, чтобы кто-то из нас ушел из вагона подальше, так хоть кто-то из нас останется в живых. Но потом передумал – и не стал этого говорить. До конца бомбежки мы вместе оставались в вагоне. Самолеты отбомбились и ушли.

Доехали домой благополучно, харчей подвезли,

пшеницы, кукурузы, картошки и других продуктов, на первый случай семья была обеспечена питанием. Начали мы и выпекать. Такая терка была, из железа сделанная. Перемалывали два раза, муку делали. Спечем хлеб, несем на базар. Рая носит, а я наблюдаю. 140 рублей буханка, и нарасхват.

А потом дали хлебные карточки.

И зажили мы!

Блатняк

17 мая 2007 г., 16:36

Страна издает свои любимые звуки.

Изо всего, что можно, у нас несется веселый шансон, он же блатняк. Ларьки, вокзалы, такси и даже, по сообщениям детей, школьные автобусы – всюду те же ноты. Чем же это плохо, если людям песня строить и жить помогает?

Не то что плохо, но не сразу понятно.

Я каждый раз при удобном случае спрашиваю у хозяев шансонных магнитол:

– Был у Хозяина?

Люди обычно не понимают вопроса. Они то есть не сидели и даже не вращались в криминальных кругах.

– А раз ты тут ни при чем, зачем слушаешь про зоны, про Колыму?

– Ну так красиво же! Хорошие душевные песни...

А что? Это все ведь не зря. Сами не сидели, так родители,

или дядя, или дедушка. Или соседи. Да и вообще вся, считай, страна построена зэками! Начиная с Питера и кончая высоткой МГУ и БАМом. Вот отчего у нас так любим блатняк. Мне иногда делают замечания:

– Ну нет, Питер строили не зэки, а крестьяне. А МГУ – немецкие пленные.

Друзья! Все понимаю. В том числе и то, что взгляд у нас замылен, а прицел сбит. Насчет строительства Питера: если людей согнали из деревень, не спросив на то их согласия, поселили в бараке и заставили работать задаром, под конвоем, – какие ж они крестьяне... это типичные зэки. А пленные немцы, которые работали на стройках, под охраной, – тоже зэки, просто немецкой национальности... Так-то.

И вот на днях, покупая, кстати, в Питере, построенном зэками крестьянского происхождения, – в ларьке батареечки к диктофону, я услышал из старого кассетника песенку про то как «мне часто снится за колючкой твоя помятая кровать».

– Что, был у Хозяина? – спросил я, ожидая обычного недоуменного ответа. Или глупого ответа про то что он сам хозяин своего ларька.

Но на этот раз все было по-другому.

– Было такое, пятерку оттянул... – ответил с тенью смущения продавец, молодой мужик вполне законопослушной и даже модной внешности. Он не стыдится своего прошлого и не скрывает его, да это ж и хорошо. Помню, как иные австралийцы мне хвастались, что вот у них предки были ка-

торжники и есть документы. А у кого нет доказательств, те как будто в армии не служили, они как бы дефектные. И построили ж страну! Ну не одни только каторжники, еще для полного комплекта понадобились проститутки, которых раз-метали прям на берегу, когда приходили набитые бабами корабли – не для пустых бесплодных забав, но ради жизни на Земле.

И вот те из них, что не ушли в побег – а многие сбежали, простодушно считая, что, если идти на север, окажешься в Китае, – принялись плодиться и размножаться. И сейчас их потомки ничуть не жалеют о том, что живут не в коммунистическом Китае, а в роскошной стране Австралия.

Нас немного отличает от Австралии. В самом деле, сколько сходства! Предки наши – часто эки. Проституток наехало из ближнего зарубежья столько, что они уже вытесняют бродячих собак из переулков тихого центра Москвы. У нас практически такие же бескрайние просторы, как в Австралии. И началось потепление климата!

И вот последнее сообщение с телеграфной ленты: Австралия решила уничтожить 4000 лишних кенгуру, которые терроризируют тамошних фермеров. И то сказать, их там били-били, стреляли разрывными пулями, травили крысиным ядом, душили колючей проволокой, и все никак. Его хрен догонишь, с его-то мощными ногами, которые так и просят-ся быть пожаренными на гриле. Его голыми руками не возьмешь, и шкуру еще попробуй пробей, сапогам из нее сносу

нет! Давайте нам его сюда, этого чудесного зверя! Он выживет в нашем новом климате, он тут будет как дома.

А что, действительно прекрасный зверь, такой мог бы выжить даже при советской власти! Он вполне достоин звания советского человека...

Три источника, три составные части: эки, проститутки, кенгуру. А если после постройки новой красивой страны останутся лишние – перестреляем, как вон теперь австралийцы. Главное – не стыдиться своих корней. Что не только приводит к успеху (см. пример Австралии), но еще и, кстати, патриотично.

Догоним и перегоним Австралию, ура! Это даже круче, чем догонять Португалию, о чем было столько разговоров.

Загадочная закулиса

24 мая 2007 г.

На фоне теперешней политической борьбы – нет, точнее говоря, возни, практически уже предвыборной – я вспомнил старые времена. То есть я долго думал, что мне это все напоминает, из моей частной жизни – и таки вспомнил.

Начну издалека.

Это было в девяносто каком-то году. Едем мы с шофером из офиса домой. Он такой счастливый: поставил на машину спортивный руль и теперь с упоением играет им; новая игрушка. Я держу в руках старый штатный руль и пугаю сосе-

дей по полосе справа: дожидаясь, когда они на меня посмотрят, и резко вращаю штурвал вправо; они делают глаза как у селедки, дергаются и орут матом что-то задорное.

Наигравшись, я начинаю ставить задачи шоферу:

– Значит, завтра едем на дачу, там я застреваю на пару дней, а ты будешь возить Васю.

– Какого Васю?

– Журналиста Андрея Васильева. Известного тебе.

– А чего это я должен его возить? У него свой шофер есть!

– Какая тебе разница, кто у него есть? Повозишь!

– Не буду.

– Как так?

– Игорь Николаич, вы на дачу – и я на дачу!

– Послушай, – спокойно говорю я как человек, славящийся своей деликатностью, – в рабочие дни ты должен все-таки работать. А не на даче загорать.

– Нет, вы на даче – и я на даче. – И т. д., из пустого в порожнее.

– Ну ты понимаешь, что если человек работает у меня шофером, то он решает транспортные задачи на вверенном ему авто, а не ведет жизнь вольного художника?

– Понимаю. Но Васю возить не буду.

– Ты отдаешь себе отчет в том, что говоришь? Это может означать только одно... А ну-ка останови.

Мы паркуемся на обочине. Я жестом призываю шофера выйти и жестом же требую отдать мне ключи. Он не верит.

Он прекрасно знает, что только позавчера я получил права и некоторые правила движения знаю, но асом меня пока нельзя назвать, да и от карьеры гонщика пока следует воздерживаться. Если жить хочется. Но я кивками подтверждаю правильность своего решения.

Единственная поблажка, которую я ему дал, была такая: разрешение забрать спортивный руль, купленный им на личные средства. Со старым штатным рулем я тронул. Он долго смотрел мне вслед – там был длинный прямой отрезок – и с понятным чувством наблюдал, как машина дергается от грубо выжатого сцепления и пару разу вовсе глохнет. Я так понимаю, он ждал, что я остановлюсь, выйду из машины и заору:

– Да хер с ним, с Васей, мало ли что я ему обещал! Пусть на троллейбусе поедит, как ранний Ельцин! Я пошутил насчет приемника, даже и на пару дней! Возвращайся! Прости меня, дурака!

Я, однако, ехал и ехал вперед, пока не пропал из виду своего шофера, бывшего шофера.

До дому я доехал успешно, но был весь мокрый и по пути вращал глазами, наблюдая, как меня слева и справа обходят, облетают пулями прочие участники движения. С утра ничтоже сумняшеся я двинул в сельскую местность. Жену посадил справа, и она прикуривала сигареты (это, стало быть, случилось до 1994 года, в котором я бросил курить) и давала мне из своих рук затянуться. Она по моей команде огля-

дывалась, когда нужно было узнать, нет ли сзади машин на опасном расстоянии.

Ехали, помню, долго и мучительно. Когда к обеду мы наконец прибыли на место, я вывалился из машины, выпил стакан водки и спал до следующего утра: сказывалось перенапряжение.

Обратно ехать было немного веселей, через три дня уже не очень страшно, а там я втянулся.

После и жену заставил сдать на права. Как она ни отбивалась. Она машину водит, но, правда, только в моем пьяном присутствии, и заранее берет с меня слово не напиваться сильно, чтоб я еще мог контролировать ситуацию на дороге и давать четкие команды. Моя мечта – чтоб я дрых на заднем сиденье, а она меня везла с ветерком, – остается несбыточной. Я ей говорю: давай хоть по воскресеньям, ранними утрами, катайся сама, набирайся мастерства. Нет! Не хочет...

В какой-то момент, начитавшись газет, я понял, что это все притчи и аллегории.

Фрондирующий суверенный шофер – старый барон-губернатор, который грозился отделиться от России. Два руля, один бутафорский, второй спортивный, – это Дума и... сами знаете кто. Жена у меня – это как бы общественная палата. Или новый президент. Которому я вроде как дал порулить, но...

Трудно только отвести какую-то определенную роль Ва-

се, тут как раз самый широкий простор для фантазий; роль международной Закулисы – одна из самых скромных.

Суверенная африканская демократия

1 июня 2007 г.

Вот прилетел из Африки и спешу поделиться. Все так актуально. И забавно.

Был я в одной тамошней стране, в которой построена суверенная демократия... Не надо тут искать злобных параллелей, которых нет; случись какому супостату на нас напасть, думаю, что запишусь добровольцем сражаться за суверенитет. Сказать такое, конечно, легко, но я тут не голословен, поскольку точно помню, как в молодости порывался поехать воевать за сербов. Не сделал я этого тогда исключительно по причине нехватки денег. Будь у меня тогда пара тысяч долларов, чтоб купить экипировку и оставить что-то жене с малолетним ребенком на первое время, то точно б сорвался. Фраза о том, что не в деньгах счастье, обретает тут новое звучание; будь у меня тогда некая сумма, я мог бы давно уже, подобно товарищу солдата Швейка, бежать с оторванной головой, метко стреляя при этом из винтовки по неприятельским аэропланам. Хотя – если ж глубоко копать – в Чечню я на боевые действия хоть и ездил, однако же в сугубом статусе штатского журналиста. И автомата в руки там не брал. Но противоречие тут только мнимое: я же подписывался на

войну, а в Чечне, как нас учит руководство, войны не было уж сто лет с лишним, а одна только контртеррористическая операция. Которой положено заниматься профессионалам, а уж никак не народному ополчению.

Итак, суверенная демократия.

Не далее как в прошлом веке эта африканская страна обрела суверенитет, прогнав европейцев.

– А что, действительно была такая необходимость? – спрашивал я там местных.

– Да конечно! Мы же были рабами, а нашей страной командовали белые. Это было довольно обидно. Ну мы и решили вопрос.

– И довольны?

– Да не то слово.

Ну и ладно. Я спрашивал чисто для общего развития. Мне просто интересно сравнивать. Не Россию с Африкой – про это я достаточно уже написал и еще, может, отчитаюсь, – а суверенные страны, которые были колониями, с несuverенными, которые так и стонут под гнетом белых, неполиткорректно говоря, колонизаторов. Во мне эти сравнения вызывают почему-то очень живой и парадоксальный отклик. Перед суверенной африканской страной я побывал на острове Реюньон, который имеет статус заморской территории Франции (оцените всю деликатность термина. Ну не писать же – колония). Там я тоже спрашивал местных (практически по-африкански чернокожих) о жизни. И наблюдал за ней.

Разница такая. Томящиеся под пятой Франции реюньонские туземцы ни в чем себе не отказывают, пользуясь плодами французского социализма со всеми страховками, медицинами, пособиями и даже – вот уж странность для жарких стран – замечательной питьевой водой из крана. Несуверенные реюньонцы, как я заметил, были ко мне совершенно равнодушны и никаких услуг, заглядывая в глаза и теребя за рукав, не предлагали. Они занимались своими делами – или же лежали на траве, покуривая марихуану.

Не то в посещенной мной африканской стране.

Она живет куда бедней Реюньона, и на каждом углу на тебя кидаются местные, пытаясь впарить какую-то ерунду за бешеные деньги или просто по-братски требуя поделиться, потому что им надо «ням-ням» (странно, я думал – это чисто русское выражение.) Один из них предложил мне знакомство с девицами предосудительного поведения. Я под благовидным предлогом – чтоб долго ему не рассказывать о своей завидной моральной устойчивости – отказался.

Он обиделся:

– Ты, наверно, наслушался грязных историй про СПИД? Это все ложь.

– Что ты, что ты! – Я не хотел его обидеть.

– Ну раз так, то я, чтоб ты не сомневался, приведу тебе свою сестру! Совершенно здоровая красавица двадцати лет, хоть сейчас на конкурс красоты. Всего за 50 долларов.

Африканские цены после торга тают раза в два. Без пяти

минут «Мисс Африка» обошлась бы дешевле бутылки рядового вина в ресторане, я как раз только пообедал. Обошлась бы – будь я падким на сомнительные удовольствия субъектом, грязным каким-нибудь сластолюбивым старикашкой.

Церемонно отказавшись от сестры, я все-таки задумался о смысле происходящего.

В самом деле, для юной прелестницы не было бы ничего оскорбительного в том, чтобы предложить интим заезжему досужему иностранцу. Особенно такому спортивному искрометному пузатому красавцу, как я.

Куда обиднее для нее было бы унижаться под гнетом некой европейской державы и жить на подачки от белых людей – знаете, все эти пособия, построенные с барского плеча больницы и дороги, жалкие тысячедолларовые (!) пенсии...

Если человек – это звучит гордо, то он должен быть готов умереть за суверенитет. Например, от голода. Или от СПИДа. Сестра на панели – еще не самое страшное. Мог бы и сам на амбразуру.

Но не все это понимают, не у всех есть достаточно гордости. Вот на Реюньоне провели недавно референдум – а не отделиться ли от Франции, не взять ли столько суверенитета, сколько можно унести?

Неловко вам говорить, но туземцы Реюньона большинством голосов предпочли стонать под французским игом. Более того, они даже не стыдятся говорить и думать, что они умные...

Что за люди, в самом деле?

Юбилей журфака МГУ им. Ломоносова

7 июня 2007 г.

Сколько нас таких расползлось по всевозможным конторам с дипломом литературного сотрудника редакции. Некоторые, вы будете смеяться, даже попали в эти самые редакции! Отдельные оригиналы даже задержались в ремесле!

При том что, как вы понимаете, огромное количество знаменитых (хотел сказать «великих» или там «замечательных», но это не та профессия, где можно претендовать на Нобелевскую премию или бронзовый памятник) журналистов на журфаке не бывали никогда и никакой в нем надобности не испытывали.

И мне понятно, почему так.

Я знаю, что за люди идут туда.

Ну конечно, каждый судит по себе, вот и я.

В юности, в школе, я ответственно подошел к решению вопроса о будущей профессии и начал ее выбирать.

Для начала я разложил по полочкам свои человеческие качества и начал их приставлять к разным ремеслам и специальностям. Я с похвальной трезвостью сразу отмел те, где требовались усидчивость, аккуратность, дисциплинированность, любовь к трезвому образу жизни. Невозможно было представить, что я буду годами, изо дня в день, приходить в

одно и то же место в 8:00, причем тщательно выбритым. Я тщательно искал область применения для человека, неспособного к общественно полезному труду, который любит путешествия, пьянки, новые знакомства, ну там на диване полежать, почитать книжки. Вдохновила меня и схема «трое суток не спать, трое суток шагать ради нескольких строчек в газете». Я это понял так, что ты можешь куда-то усвистеть на три дня, подальше от начальства, а заметка в 20 строк будет достаточно уважительной причиной самоволки. Добавить сюда семейную фотосъемку и почитывание Конан Дойля со словарем, чисто для развлечения – и вот она, профориентация! Так я же готовый журналист! Как интересно!

Навел, значит, справки – а надо на журфак публикации предоставить. Пришлось идти в газету, какая поближе, – это оказался «Макеевский рабочий». Ну что ж, придется, со вздохом смирился я, поработать... Задание мне дали такое: написать про театральный кружок на забыл какой шахте. Поехал я туда на спектакль, после которого профорг увлек меня в кабинет, где сидели лучшие люди предприятия за столом, а тот ломился от «Зубровки», портвейна и одесской колбасы. Я, конечно, отказывался, я при исполнении! Я не пью! (В таких количествах.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.